

Марго Бова

16+

ХОЛМИЗОР:
ТЁМНЫЙ ЛЕС

Марго Бова

Холимор: Темный лес

«Автор»

2026

Бова М.

Холимор: Темный лес / М. Бова — «Автор», 2026

У всех есть своя история, боль и надежда. Джесси и Дуглас Вуд обычные мальчишки, которые подвергаются травле. Они отбиваются, как могут, но конфликт заходит слишком далеко. В минуту отчаяния братья попадают в другой мир – королевство Холимор. Давным-давно оно пало от гнета скверны, порождающей чудовищ. Братьев ждет длинный путь домой через Темный лес. Им предстоит встретиться с теми, кого необходимо спасти, и понять, что главное оружие — не меч, а голос, который не боится зазвучать. Эта книга о чувстве вины и искуплении, о хрупкости надежды и о том, что монстрами не рождаются, ими становятся, делая выбор. Книга содержит сцены жестокости. Рекомендуется для взрослых и подготовленных подростков.

© Бова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В яблочко!	5
Глава 2. За кустами орешника	9
Глава 3. Морозная пелена	19
Глава 4. Мировица	32
Глава 5. Ведьма	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Холимор: Темный лес

Глава 1. В яблочко!

Если бы мне сказали, что однажды я узнаю историю, которая разобьет мне сердце, превратив его в кучку песка, я бы ни за что не поверил. Если бы я знал, что меня ждет впереди, я бы забился в угол и плакал. Если бы я понял, что половина меня откололась и отлетела в сторону, мне бы захотелось к ней вернуться. А пока, стоя посреди опустевшего школьного двора, я скреб ногтем по крохотному пятнышку на шуршащей синей ткани рукава.

Несмотря на ясное весеннее солнце, руки обдувал ледяной ветер. Пальцы замерзли, и я сунул сжатые кулаки в карманы.

– Дуглас, ты где? Дуглас! – я ждал, что он отзовется, но было тихо.

Ученики и учителя уже разошлись. Лишь смутные очертания силуэтов мелькнули у леса за оградой и тут же растворились между деревьями.

Открытые черные ворота с витиеватыми узорами возвышались по центру кованного забора, отделяющего школу от леса.

Слева от меня стояло пухлое красное здание школы под четырехугольной серой крышей. Ободки из желтого камня обрамляли узкие окна с белыми рамами. Широкая металлическая входная дверь и четырехступенчатая лестница устроились по центру. Над ними возвышался и укрывал от дождя и жарких солнечных лучей козырек, крытый железом.

Напротив школы раскинулись безлюдная спортивная площадка и футбольное поле. Даже стоя чуть поодаль, я чувствовал пыльный запах серого покрытия для пробежек. Мы с Дугласом любили проводить здесь свободное время.

Тяжелый рюкзак свисал с одного плеча. Сегодня я задержался – исправлял проваленную контрольную по математике у миссис Стоун, поэтому предупредил брата, что освобожусь позже.

Наш дом стоял на окраине маленького рыбацкого городка Сенсшвил. Мы жили в конце шоссе Ривер Драйв, которое длилось от побережья широкой реки Янго, что брала свои истоки глубоко в горах. К слову, в низине по всей ближайшей местности вокруг городка река разветвлялась на еще более мелкие речушки и ручейки.

Внезапно хлопнула входная дверь. На пороге школы показалась миссис Стоун. Она тяжело спускалась по ступеням, тучно наступая на каждую двумя ногами.

– Джесси Вуд, ты почему еще не ушел? Мы закончили с тобой минут двадцать назад! – она, наконец, победила лестницу.

– Ищу Дугласа, мы договорились после уроков встретиться здесь, – ответил я.

– Дуглас такой же сорванец, как и ты. Уверена, он где-то неподалеку кидает шишки в несчастную белку. – ответила учительница с доброй насмешкой в голосе и медленно пошла к воротам.

Ее реплика заставила меня смущенно опустить голову и улыбнуться, уставившись на свои черные ботинки.

Миссис Стоун создавала впечатление порядочной женщины. Она обладала сильным голосом, и от нее всегда веяло мазью с эвкалиптом. Она хоть и была строгой, но все же ее справедливость и доброта подкупали.

Учительница в сером, как ее волосы, пальто, которое ей явно было велико в плечах и по длине из-за маленького роста, уже выходила за пределы школьного двора с толстой кипой тетрадей на проверку, торчащих из кожаной сумки, а Дугласа все не было видно.

Поразмыслив, я думал зайти и проверить, может, Дуглас решил подождать меня внутри, но быстро откинул эту идею. Миссис Стоун права, он не из тех, кто просидит лишнюю минуту в школе просто так, впрочем, как и я.

– Не мог же он уйти без меня, – переминаясь с ноги на ногу, недовольно пробурчал я под нос и с обидой поджал губы. – У нас ведь есть дело на ручье.

Я глянул на колыхающиеся на ветру верхушки деревьев. Их крона высоко упиралась в голубое небо и успокаивающе качалась из стороны в сторону. Воздух вокруг меня наполнился терпким, ментоловым ароматом сосен и елей. Они торчали точно длинные копья среди других лиственных столбов, отбрасывая острые тени на футбольное поле школы.

Снова подул холодный ветер, и я застегнул свою куртку, после чего стал раздумывать, куда пойти искать брата. Я уже направился к выходу, когда слева за школой послышался чей-то вопль, а следом довольный голос:

– В яблочко...

Из меня вырвался смешок. Опять он кому-то зарядил. Уголки губ приподнялись. Дуглас нашелся! Мы с братом постоянно тренировались в лесу стрелять из рогаток. Делали себе мишени, обдирая кору с какого-нибудь дерева, и запускали в нее камни и шишки до тех пор, пока на стволе не появлялись вмятины.

– Вон, в кустах! Лови его!

– А, это ты!?

– Совсем обнаглел?

– Сейчас получишь ...

Голоса были слишком знакомы.

Улыбка вмиг сошла с лица, и со всех ног я ринулся за ворота. Железные кованые узоры остались позади. Я остановился на тротуаре. Недалеко росли редкие деревья. Начинался лес.

Из-за забора выскочил Дуглас с тяжелым рюкзаком за спиной. Его брови были вздернуты вверх, глаза широко раскрыты, щеки и нос приобрели розовый румянец, челюсть сжалась, а губы криво растянулись, обнажая сомкнутые зубы. Две стороны стеганой, черной куртки мотылялись нараспашку и бились об локти. На одной штанине синих джинс мелькало коричневое пятно. Видимо, он упирался коленом в землю, пока целился. Дуглас быстро, насколько мог, бежал в мою сторону вдоль ограждения. Его ноги в старых ботинках отбивали четкий ритм по узкой и серой асфальтированной дороге.

Я перевел взгляд за спину брата, чтобы убедиться в собственных предположениях от кого он так поспешно удирает. На ум приходило всего несколько человек. Сквозь железные прутья, откуда выбежал брат, мелькали четыре фигуры на велосипедах. Я их сразу узнал. Один за другим Джеймс Мерфи, близнецы – Такер Крэй и Уилл Крэй и Моника Бэй выехали вслед за Дугласом.

Джеймс двигался первым. Коричневое, длинное пальто трепыхалось у колен. Он носил его, чтобы казаться взрослее, хотя был всего на два года старше меня и на один Дугласа. Парень поднялся над сиденьем и наклонился через руль. На лбу зияла фиолетовая шишка. Ветер взъерошил кудрявые медные волосы, и без того торчащие в стороны. Лицо покраснелось от ярости, голова казалась слишком крупной для высокого и худощавого телосложения.

Мерфи с нажимом крутил педали, чтобы быстрее разогнать велосипед. Его стремительно семенящие ноги были настолько длинными, что он походил на насекомое. Сощуренный взгляд неотрывно вцепился в фигуру брата.

Джеймс визгливо кричал Дугласу вслед, срываясь на хрипоту и брызжа слюнями:

– Тебе крышка, Вуд! Слышишь? Ты за это заплатишься!

Приятеля Мерфи – братья Крэй – загоготали. Близнецы Такер и Уильям ехали чуть позади рыжего друга. Они самодовольно скалились, твердо сжимая руль, вытянув обросшие русые головы. Потертые, одинаковые, серые куртки небрежно свисали на их мелких плечах.

Широкие джинсы со старыми желтыми пятнами были явно велики им и задевали цепь велосипеда, не давая разогнаться быстрее.

– Эй, Дуглас, куда бежишь? Мы же просто хотим поболтать, – с издевкой выбросил в воздух Уилл.

– Нехорошо стрелять камнями в старши... – проронил Такер и не успел договорить.

– Заткнись! – обернувшись, рявкнул на него Джеймс Мерфи.

«Ах, да... Джеймс, – мигом смекнул я. – Ты ведь не хочешь, чтобы кто-то напоминал тебе о собственных провалах, что оставляют следы на лбу».

Дуглас не обращал никакого внимания на голоса за спиной. Он продолжал нестись мне навстречу, но погоня приближалась. Брат, глядя на меня, слегка вытянул руку перед собой и указал пальцем в лес, намекая, что сейчас свернет туда и мне стоит последовать за ним. Там Джеймсу и его друзьям будет трудно пробираться через деревья и кусты на велосипедах, их придется бросить у школы и бежать за нами на своих двоих. Вряд ли Джеймс захочет испачкать в мокрой земле свои лакированные туфли или поцарапать их о корки почти растаявшего снега. А вот братья Крэй вполне способны ободрать мысы старых ботинок.

Я был слишком зол на Мерфи и близнецов Крэй за все выходки в сторону моего брата. Они считали меня малявкой, поэтому редко цеплялись ко мне. Но когда выступал против, отбиваясь вместе с Дугласом, то прилетало нам обоим, что только подстегивало мой гнев. Не хочу просто сбегать. «Сегодня Джеймс Мерфи по-настоящему получит то, что заслужил», – с подкатывающей к горлу ненавистью подумал я и ударил перед собой кулаком в ладонь.

Глубокий вдох и решительный выдох. В нос ударила свежесть сырой земли и хвои. Я закинул вторую лямку рюкзака на плечо и побежал вперед навстречу брату. Через секунду его глаза встретились с моими. Дуглас недоумевающе взглянул на меня и снова стал протыкать пальцем воздух в сторону леса. Он делал это скрытно, чтобы сзади его жест не был замечен, но одновременно настойчивее чем прежде.

На бегу я отрицательно покачал головой. Старший брат сдвинул брови и недовольно поджал губы. Дуглас злился, когда я лез на рожон. Он считал, ему должно заступаться за младшего, а не наоборот.

Брат сложил ладони вокруг рта и надорвано от сбившегося дыхания закричал:

– Джесси, ты что делаешь? Беги в лес!

Я ничего не ответил. От волнения уши вспыхнули огнем, а в висках, будто молотком, забился пульс. Мой настрой был тверд, в затылке разрасталось предчувствие, что все удастся.

Практически столкнувшись с ним, я отпрыгнул в сторону, оказавшись у него за спиной. Я развернулся всем телом, лицом к тротуару, моя спина уперлась в забор. Дуглас обернулся и почти остановился. Он тяжело дышал и смотрел на меня с растерянностью в глазах. Вдруг его вниманием завладел Джеймс, который разъяренно крутил педали и мчался на полной скорости прямо на него.

Испугавшись, что брат так и останется стоять и Мерфи просто собьет его с ног, я стал торопить Дугласа бежать дальше:

– Ходу-ходу! Не стой.

Брат посмотрел на меня напряженным взглядом, поджал губы и смиренно помотал головой. Он понял, что я что-то задумал. Грудная клетка Дугласа высоко поднялась, а затем он пустился дальше по дороге.

Когда Джеймс приблизился к месту, где оставался стоять я, он даже мельком не глянул в мою сторону. А стоило бы. Мерфи смотрел только на Дугласа.

Едва лишь велосипед рыжего парня оказался передо мной, я размахнулся и со всей силы ударил ногой по сиденью, зацепив бедро носком ступни. Мерфи растерялся и, шатаая на скорости руль, начал падать. В этот миг на его лице отразился неподдельный испуг. Он распахнул глаза и разинул рот, но его возглас был сбит в еле слышное мычание. Парня проволочло

на боку по мокрому асфальту. К счастью для него, он успел вытянуть левую руку и защитить голову. Джеймс Мерфи рухнул и не двигался.

Братья Крэй, увидев друга на земле, начали резко тормозить. Колеса их велосипедов проскрипели, педали свободно закрутились. Ударил многократный топот, попытки справиться со скоростью. Близнецы вдавили пятки в асфальт, Такер и Уилл держали руль чуть выше, чем положено им по росту. Они замерли, открыв рты, и обескуражено уставились на друга, свернувшегося в комок у них под ногами.

– Джеймс, ты как? Тебе помочь? – спросил Такер словно бы деревянными губами. Его рот всегда был открыт.

– Заткнись, – шикнул на него Уилл, чтобы его слабость не оказалась столь явной перед посторонними зрителями, то есть передо мной и Дугласом. Он протяжно шмыгнул носом и сглотнул.

– Я просто спросил, – пробурчал глупый брат близнеца.

– Что там еще? Может, поедem кататься? Я устала гоняться за мелкотней. – Моника, о которой я и позабыл, спокойно подъехала и остановилась в самом конце цепочки велосипедов. Она взмахнула своими длинными каштановыми волосами, оттянула короткую красную куртку вниз и с равнодушным лицом посмотрела на Мерфи, цокнув языком.

Джеймс продолжал лежать на дороге и прерывисто дышал. Кажется, я даже услышал всхлип. Он поджал колени к груди и уткнулся носом в рукав своего коричневого пальто, сжимая коленями велосипед. Другая рука осталась у него на бедре, стиснутая в напряженный кулак до белых косточек.

Дуглас остановился примерно в двадцати шагах от меня возле черных массивных школьных ворот. Без детских веселых криков школьный двор сбоку от него стал совсем другим – безжизненным. Брови брата были вздернуты, щеки порозовели от бега, со лба бежали маленькие капельки пота, стекая к вискам. Короткие белесые волосы слиплись, от макушки заметно шел пар. Дуглас обвел растерянным взглядом сначала Мерфи, затем его друзей. На долю секунды уголок его губ поднялся. Спустя мгновение, он опомнился и резко, с серьезным видом перевел взгляд на меня.

– Джесси, уходим отсюда. – громким шепотом сказал Дуглас, чтобы не выдернуть остальных из оцепенения.

– Вуд, а ну стой! – выкрикнул Уилл.

Как только я двинулся, чтобы оббежать Мерфи подальше от братьев Крэй, Такер, который стоял ближе всех ко мне, попытался ухватиться своими цепкими крошечными пальцами за рукав куртки, но не успел.

Велик Уилла наклонился и грохнулся ему на ногу. Парень споткнулся и чуть не упал.

Во весь дух я и брат двинулись в лес, проскальзывая мимо стволов деревьев и высоких неоперившихся кустов. Во мне растекался кураж. Казалось, ноги стали быстрее и ловчее, а к плечам прилила сила.

– Вам это с рук не сойдет! Тебе и твоему брату хана, Дуглас! – Бросался угрозами Такер нам в спину. Эхо его голоса отталкивалось от земли и улетало вверх к макушкам деревьев.

Все тише и обрывистой сквозь лес до меня доносились голоса Мерфи и его компании:

– Ой, да пойдem уже. Джеймс вставай, – капризно говорила Моника, – Я хочу покататься по Роуз-стрит, где открыли новое кафе. Там все девчонки уже были кроме меня. Ты обещал!

– Да, Джеймс, дружище, поднимайся, Вуд младший не мог так сильно тебе навалить, – прихихикнул Такер.

– Заткни своего слабоумного брата, Уилл! – Крикнул, задыхаясь от злости, Джеймс.

– Эй! – возмутился Такер.

– Да, Такер, замолчи! – поддакивал Уилл.

Глава 2. За кустами орешника

Уперев руки в колени, я наклонился, пытаюсь отдышаться. Мы стояли за широким дубом на бугорке. Его корни выползли на поверхность, расползлись по кругу, прогнав траву, а ствол раздвоился, образовав щель.

Весенний, промозглый ветер умиротворенно колыхал макушки длинных сосен, не в силах добраться до изножья леса, где волновалась жизнь. Дуглас стоял рядом, вытянувшись на носках и всматриваясь в заросли, припав подбородком к коре. Брат жадно втягивал носом воздух после побега от хулиганов, которым давно мечтал надрать зад, иногда даже получалось. Только они возвращались снова и снова, становясь все злее.

– Ну что там?

– Никого, – Дуглас опустил на пятки и скинул рюкзак на выступающие, толстые корни. – Странно, что даже близнецы не погнались за нами, – брат упер руки в боки, сердито глядя на меня.

– Когда мы удирали, я бежал позади и слышал их перепалку, – я все еще старался отдышаться. – Кажется, Мерфи взбесился.

Хмыкнув и запрокинув за уши мокрые у висков волосы, я расслабленно оперся спиной о раздвоенный ствол, не снимая рюкзака и полностью распахнув свою куртку. После пробежки по лесу, было слишком жарко несмотря на то, что воздух резал холодом.

– Здорово мы его уделали, да? – самодовольно ухмыльнулся я.

Дуглас схватил меня за ворот куртки и дернул к себе.

– Что ты натворил? Ты хоть представляешь, как нас отделают, когда поймают?

– О чем ты? – я не ожидал от него возмущений.

– Каждый раз одно и то же! Не надо было лезть.

– А зачем тогда ты оставил ему шишку на лбу? Ее трудно не заметить... Еще и обрадовался, когда попал! Я слышал! – секунду подумав, я добавил, – Сколько можно терпеть Мерфи? Я дал ему отпор, взяв пример с тебя, чтобы он и его шайка, наконец, отвязались от нас.

– Не от нас, а от меня. Ты-то что? – почти прошептал Дуглас, отпустив меня.

Он прислонился поясницей к дереву, скрестил руки на груди и хмуρο уставился под ноги.

– Я думал, они меня не заметят. Хотел обстрелять их из куста и свалить по-тихому. Но что-то пошло не так. А тут еще ты со своим пинком... Не стоило тебе так поступать. Если Джеймс разозлится, ему плевать, что ты младше. Он свинья!

Я поправил куртку в плечах, снял рюкзак и кинул его на траву рядом с плюшкой рыхлого снега.

– Я не смог остаться в стороне. Я этого Мерфи ненавижу! Тонуть так вместе! Мы же не просто братья, мы – лучшие друзья! – голос сорвался на мальчишечий писк. – Сколько раз ты огребал от них? Это не кончится, пока мы не врежем как следует каждому. Чтобы в нашу сторону смотреть боялись!

– Если бы это было так просто! – воскликнул Дуглас. – Они старше, сильнее и их как минимум на два человека больше. Хотя Монику можно не считать, она как немое приведение бродит за Джеймсом, – брат опустил руки. – Мы могли бы собрать ребят с нашей улицы, но Мерфи и Крэй обычно стараются подкараулить, когда никого нет рядом. Жалкие трусы! – он сплюнул на землю. – Поэтому никто ввязываться и не хочет. Боятся.

Дуглас взволнованно провел ладонью по лицу и мокрым коротким волосам.

– Твою выходку Мерфи точно просто так не оставит. Чтобы окончательно не упасть в глазах своих дружков, он постарается оторваться на нас с тобой. Нам нужен какой-то план... – спокойно и задумчиво сказал брат, но добавил отчаянный выдох.

Он огляделся по сторонам и, убедившись еще раз, что мы одни, сел на корневище, выступающее из влажной земли. Дуглас обхватил голову ладонями, поставив локти на колени. Я подсел к нему поближе. Каждый переваривал внутри себя случившееся и думал о своем. Несколько минут мы провели молча.

От горящего боевого запала не осталось и следа, на смену ему пришли беспокойство и грусть. В глубине души я чувствовал, что сделал что-то не так, но категорично не хотел соглашаться с нашептывающим противоречивые мысли внутренним голосом. Конечно, не такую реакцию мне бы хотелось получить от брата. Я рассчитывал, что он будет мною гордиться, ведь я расправился с главным задирой школы. Никто из наших с Дугласом сверстников не смел ему сопротивляться, а уж нападать и подавно. Все обходили стороной. К старшим Джеймс не лез. Он умел выбирать себе жертв. Да, в тот момент у школы, я не думал, что могу навредить себе или брату, я просто был зол и сделал то, что хотел здесь и сейчас. К тому же я решил, мне можно вести себя так, раз сам Дуглас выстрелил Мерфи в голову из рогатки.

В итоге я предпочел мысленно остаться довольным собой: «Сокрушаться не стану. Может, это и было неправильно. Пускай. Сделанного не вернешь», – сказал сам себе, однако тревога за еще несвершенную месть Мерфи в будущем и тонкое чувство вины перед Дугласом, которое я старался отгонять, все равно почему-то саднили где-то в груди.

Пальцы поддели валявшийся рядом со мной желудь. Я с размахом швырнул его в ближайшее дерево. Сквозь покой леса желудь со звонким стуком врезался в кору, разрывая тишину, и отскочил. Дуглас даже не вздрогнул, он так и сидел, погруженный в себя, и смотрел на землю между коленками.

Горбатые удавы деревянных отростков расползались под нами. Земля вокруг дуба отдала все свои силы им, не оставив и крупинки для других растений. Я скучающе перебирал в руках мелкие камешки.

Дуглас выпрямил спину, выползая из раздумий. Он резко начал что-то искать. Облазил все карманы, заглянул в рюкзак.

– Вот же ж! Рогатку потерял, пока убежали! – брат обернулся и выглянул за дерево. – Идти искать сейчас не вариант. Гадство!

– Могу дать свою!

– Не надо. Завтра найду. Никуда не денется. Близнецы могли остаться искать нас.

Он шумно выдохнул и звонко хлопнул по ногам. Дуглас всегда старался быть сильным, и в этот раз тоже, хотя я чувствовал, что ему страшно. Он наиграно хмыкнул, выдавливая из себя приподнятость духа, и повернулся в мою сторону:

– Мне показалось или Джеймс взаправду заплакал там, лежа на асфальте? – Приподнимая бровь, брат посмотрел на меня с ехидной улыбкой на лице.

– По-моему да. А ты чего так переменялся? Был недоволен, что я его толкнул? – Спросил я с надеждой, желая получить лакомое признание.

– Я, конечно, не одобряю твое поведение, не стоило тебе влезать, но увидеть всхлипы Джеймса... было приятно что ли, – ответ Дугласа прозвучал как вопрос, будто он сам не понимал, приятно ему или нет.

Я выбросил камни и встал на ноги, опираясь одной рукой о шершавую кору, и подал брату другую.

– Пойдем к ручью? – Дуглас кивнул и хлопнул по моей ладони.

Мы отряхнули штаны, взяли вещи и двинулись в лес. Обычно мы сходили с тропы и углублялись в самую чашу. Прошлой осенью, исследуя незнакомую часть леса, мы наткнулись на широкий ручей. Он был не такой большой как река, но весной, когда наступало половодье, вода поднималась нам по пояс. Мы запускали самодельные кораблики из веток и листьев или пробки от бутылок, устраивали гонки сброшенных в воду бревнышек. У берега ловили лягушек и выкапывали из влажной земли червей, чтобы потом пугать одноклассниц. А еще мы

построили на поляне будку: стащили у отца из гаража доски, гвозди и старый молоток. Он так и не заметил пропажи. На ветхую крышу постройки мы набросали листьев и сосновых иголок, сделав будку больше похожей на маленькую хижину, хоть и с большой натяжкой, потому что в ней могли поместиться только двое и то сидя. Но это не главное. Там мы прятали свои «сокровища» под копной сухой травы – в вырытой нами небольшой яме. В старом тряпичном мешке лежали карточки с мотоциклами и машинами, молоток, зажигалка, необычные камни и клубок бечевки.

Мне нравилось, что в лесу мы могли расслабиться и быть самими собой. Возможно, именно это и притягивало нас сюда больше всего. Лес всегда казался нам загадочным и непостижимым, как будто у него нет края, и в нем живут таинственные существа, которые прячутся от людей. Здесь, мы были храбрыми воинами: сражались сокрушающими палками с кровожадными кустами крапивы, швыряли шишки в мохнатые ели и стреляли камнями из рогаток в смертоносные, рогатые сосны, разворачивая фантазию в целую битву.

В лесу на окраине возле школы нам уже был знаком каждый раненый пенёк, поваленное бревно или валун. Мы постоянно заходили все дальше и дальше в лес в поисках приключений. Еще вчера после уроков я и Дуглас наткнулись на сморщенный после зимы мухомор с ярко-красной шапкой размером с мою ладонь. Мне хотелось его сорвать, чтобы засушить, но Дуглас, сказал, что лучше его не трогать, вдруг яд попадет через кожу. У меня, конечно, появилось ощущение, что он с усмешкой преувеличивает, и все же прикасаться к грибу я не стал. В тот же день мы нашли на дереве птичье гнездо с маленькими яйцами. Долго ждали птицу-хозяйку, притаившись неподалеку, но начало смеркаться, и, нам пришлось уйти домой.

Расхаживая по кромке леса и прячась за кустами, я и брат представляли себя шпионами и шли по пятам за учителями или ребятами со школы. Сквозь густо рассеянные стволы деревьев, наши ноги почти бесшумно ступали по пружинистым, опавшим листьям и сосновым иглам, которые застилали мягкую землю. Мы как две белки тайком высовывали свои любопытные головы из-за веток и скрывали их обратно. Чаще всего ничего интересного узнать не удавалось, но это было и неважно, нам нравилось само действие. Главным было не выдать себя.

Углубившись в свои мысли, я тихонько рассмеялся.

– Ты чего хохочешь? – Спросил Дуглас, обернувшись. А я и не заметил, что стал отставать от него на пару шагов.

– Вспомнил, как мы следили за мисс Андерсен, когда она шла домой после уроков, – хихикая, ответил я.

– Это ты про тот случай, когда мы ей вслед ухали как совы, а потом завыли по-волчьи? – напомнил брат с широкой улыбкой на лице.

– Угу, – кивнул я

– Да-а... – протянул Дуглас, – Правдоподобно получилось. Было классно, особенно то, что она поверила и начала оглядываться по сторонам. Ха-ха! Мы тогда здорово повеселились.

– Хорошо, что она была одна, в другом случае мы бы не произвели такого впечатления, – злорадно высказался я.

– Ты жесток, Джесси! – подшутил надо мной брат.

– Подумаешь, училку попугали. Она это заслужила. – я равнодушно пожал плечи.

Мы с братом на дух не выносили учительницу истории и ее нудные уроки. Тоненький хвостик каштановых волос с жидкой челкой у лба и сменяющиеся однотипные, старые свитера с горлом на худой фигуре доводили до тошноты, – настолько было противно на нее смотреть! Ее серый внешний образ шел в разрез с ворчливым, горьким характером. Она выглядела обыденно-безобидно, при этом Вивиан часто унижала учеников, говоря не сильно громко, но, все же, вслух ядовитые замечания писклявым голоском. В ответку мы потешались над ней: выкрикивали гадости, пока она отвернется к доске, кидали бумажками через класс, грубили и прятали учебники.

Я злорадно ухмыльнулся, вспомнив наши проделки.

Мы дошли до глубокого и узкого оврага. Раньше здесь, наверное, тек ручей или маленькая речушка, но со временем поток пересох. До нашего места идти оставалось недалеко. Мы бежали так быстро от Джеймса Мерфи и близнецов Крэй, чтобы они наверняка нас не поймали.

Когда мы спустились по крутому уклону, края оврага скрыли наши головы. В низине Дуглас вышел вперед и мы пошли друг за другом, переступая через толстые корни и сломанные ветки, застрявшие в земле.

Над нами возвышалась зеленая шапка леса. Листья еще только распускались, но в воздухе уже веяло сладковатой весной. Дуглас молча брел и крутил в ладонях длинную палку, которую нашел по пути. Я вытянул руки по сторонам, пальцы скользили по молодым побегам. Сорвав крошечный зеленый листок, я стал отрывать от него части по прожилкам, с тревогой думая о словах брата.

Я вертел в пальцах зеленую нить, оставшуюся от листка, когда высокие края земли над нами стали снижаться, открывая вид на поляну, где с горки, прыгая по камням, торопливо бежал веселый ручей. Я прошел вперед вслед за Дугласом, остановившись поодаль от берега, и соскучившимся взглядом смотрел на все вокруг.

Над бегущим потоком воды вздымались два высоких клена. Обычно они бросали тень на воду, но сегодня солнце светило особенно ярко, его желтые лучи ровными линиями проскальзывали сквозь изгибы деревьев, создавая на поверхности воды искристое мерцание.

Поляна тянулась кругом, как ров. Она была спрятана от лишних глаз. Ее окружили обрушенные и рыхлые, коричневые, земляные стены, из которых пробивались наружу корешки растений. Возле горки, где проливался ручей, стена была самой высокой и отвесной. На нее невозможно было забраться, только обойти.

Недалеко от берега стояла построенная нами будка, которая, несмотря на свою ветхость, пережила суровую зиму. Рядом черными углями рассыпалось пепелище, где мы нередко разжигали небольшой костер и грели руки.

Лесная полоса на другом берегу ручья повторяла контуры рельефа нашей части. В то же время там деревья росли еще гуще, еще выше, кусты разветвлялись пышнее, а трава, я был уверен, доходила мне до груди, как будто лето уже воспарило в свою полную силу.

– Дуглас? – позвал я брата.

Он подошел к ручью, скинул свой рюкзак неподалеку и вглядывался в воду.

– А?

– Тебе не кажется странным, что здесь лежат кучки снега пускай и небольшие, трава только прорезается и листья на деревьях еще совсем мелкие, а на другой стороне, за ручьем, все уже зелено?

– Хм... – Дуглас оторвал взгляд от воды и посмотрел вперед. – Действительно! Может дело в почве?

Лес за ручьем казался более зеленым и в то же время темным: из-за плотных крон свет солнца не мог пробиться до земли ни на йоту. Вдруг меня осенило, что мы ни разу не перебились на тот берег, даже зимой, когда ручей замерзал.

– Может, сходим и разведем, что там да как?

– Со вчерашнего дня вода еще поднялась, видимо, от растаявшего снега, – развернувшись ко мне, заговорил брат. – И смотри! Течение усилилось. – он указал рукой на поток, – сейчас будет трудно перейти ручей, не замочив ноги. А вода ледяная, я уверен.

Я подошел к Дугласу так, что мы плечом к плечу стояли у края каменистого ложа ручья.

– Может отец даст нам сеть, и мы попробуем поймать рыбу завтра. Конечно, в ручьях ее водится значительно меньше, чем в реках, но учитывая половодье, есть шанс, что удастся поймать несколько небольших карасей.

Брат протянул свою длинную палку, напоминающую посох, и опустил ее до самого дна, затем вытащил и приставил к себе.

– Да там глубина по самое колено! – восторженно удивился Дуглас, переводя свой улыбающийся взгляд со своей ноги на меня.

– Интересно, если воды станет больше, сможет ли она дойти до нашей будки? Сейчас до нее уже остается примерно три фута. – Почесав косматый затылок, я предложил: – Надо бы перепрятать наш мешок с сокровищами.

Дуглас сощурился в сторону постройки, погладив пальцами подбородок, и ответил:

– Вряд ли за ночь вода дойдет до хижины. Это уж слишком. Но сеть у отца попросим.

– Думаешь, он даст?

– Не знаю, – Дуглас расслабленно поджал плечи. – Если не даст, поищем старую у него в гараже, про которую он уже и забыл.

– Пойдем сюда завтра сразу после школы?

– Само собой!

– Ладно, а что будем делать с Мерфи и близнецами Крэй? Ты же сам сказал, они не скоро забудут нашу выходку и точно попытаются отомстить. Скорее всего, они будут караулить за воротами после уроков.

Все воодушевление от предстоящей рыбалки улетучилось. Лицо Дугласа опечалилось. Он отбросил посох в сторону, где лежал его рюкзак, и поднял с края ручья несколько мелких мокрых камней. Я сделал то же самое. В моей ладони вместе с крупинками земли постукивали друг о друга четыре увесистых, кривых камешка. Переложив один из руки в руку, я легко подкинул его. Камень звонко булькнул в прозрачную воду.

– Мы можем и прогулять завтра, – предложил я, поджав плечи.

– Потом и за это накажут, только уже родители, когда директор позвонит домой и расскажет о прогуле. Мы у него на карандаше, если помнишь. Завтра как раз первым уроком у меня стоит история у вредной мисс Андерсен, уверен, она через минуту после начала занятия побежит сдавать меня, – Дуглас хмурился и перебирал камни пальцами. – В этом случае нас запрут дома и не видать нам ни ручья, ни рыбалки, – он вздохнул и посмотрел на меня.

– Тогда какой выход?

– Он только один. Давай попробуем сбежать незамеченными от Мерфи и Крэй завтра после уроков. Выиграем себе еще один день, а дальше будь, что будет. Не привыкать... – Дуглас был по-прежнему грустным и казался задумчивым.

Джеймс и его компания – подлые парни. От них можно ждать чего угодно. Брат нервничал, а как подбодрить его, если честно я не знал. Странно, что мне было совсем не страшно. Но Дуглас не понаслышке знает, как ведут себя эти ребята, если им досадить. А как кажется, сегодня мы переступили самую крайнюю грань в своем противоборстве.

Несколько недель назад, во время обеда в столовой Мерфи подошел к моему брату со спины:

– Эй, Дуглас, хочешь твой сэндвич! Вижу, ты просто жаждешь разделить ланч со старыми приятелями, – он улыбнулся и опустил костяшки кулаков на обеденный стол.

Разделить ланч? Он серьезно? Его компашка только что смачно пиновала, скупив половину булок в буфете за счет Мерфи. Для рыжего нахала это был лишь повод, притянутый за уши.

– Когда ты уже отвалишь, Мерфи? – устало бросил Дуглас.

– По-моему, ты забываешься, Вуд! Или хочешь снова встретиться после школы и здорово провести время? В прошлый раз мы пожалели твоего братишку, видимо, зря. Да и что-то острый он на язычок стал. Надо бы вам обоим преподать урок вежливости.

Достаточно громко, чтобы я мог слышать по другую сторону стола, Мерфи шептал на ухо Дугласу сквозь сжатые зубы, которые были сколоты из-за частого щелканья семечек. Вдобавок он натянул на бледное лицо, усыпанное рябью веснушек, наигранную гримасу учтивости. Меня от его вида выворачивало – от злости и презрения.

Брат с силой сжал в руке ложку для пудинга, сдерживая нарастающую ярость. Позади Джеймса как обычно стояли близнецы Крэй, выжимая из себя грозный вид. Оба вытянули крохотные подбородки, скрестили руки на груди и расставили широко ноги. Все в нашем маленьком городке наслышаны об их хулиганстве и, конечно, знают их скандальную мать, которая часто прикладывает к бутылке. На них всегда смотрят косо: пренебрежительно, с жалостью и ноткой отвращения.

Одно остается мне непонятным: почему отбросы вроде близнецов Крэй так крепко сдружились с Джеймсом из состоятельной семьи. И зачем ему самому отбирать обеды и грабить ребят из младших классов, когда карманы полны денег. Его отец богат.

Дуглас не шел на поводу у Джеймса, Уилла и Такера, которые постоянно к нему лезли. Мой старший брат был смелым, он всегда умел договориться со своим страхом. Думаю, мерзким Мерфи и Крэй нравилось его отчаянное сопротивление. Отчаяние. Как раз на него им так хотелось посмотреть еще и еще раз. И все же жаль, что в драке трое против одного трудно выйти победителем.

В тот самый раз в столовой брат как с цепи сорвался: скинул с подноса еду и врезал Джеймсу по лицу. Яблоко покатило по краю стола и шлепнулось на пол. Я застыл на месте, провожая взглядом красно-зеленый шар, а в следующую секунду уже вскочил и ударил кулаком по столу:

– Давай, Дуглас, врежь ему!

Вокруг поднялся гул. Я совсем забыл, что в столовой сейчас находится пол школы, в том числе, следящая за порядком, дежурная мисс Вивиан Андерсен. Увидев драку, она подбежала к Дугласу – тот, тяжело дыша от ярости, с красным лицом и подносом в руках, нависал над Мерфи. Он бил, бил и бил его по кудрявой макушке. Рыжий парень, согнувшись пополам, обхватил голову. Вивиан подлетела и взвизгнула, помогла Джеймсу выпрямиться и, мягко поглаживая его по щеке, повела из столовой. Вдогонку бросив, явно сдерживая себя: «Вы, мистер Дуглас Вуд, самый гадкий мальчишка из всех, которых я только встречала. Надеюсь, дома вас сегодня встретят с почестями». После сказанного, она мельком глянула на меня и кивнула, показывая, что я иду в пару к Дугласу в ее описании гадких мальчишек. Когда учительница истории и Джеймс скрылись в коридоре, я подошел к уязвленному брату и хлопнул его по плечу.

– Поделом ему! Пошли на улицу проветримся, а то все уставились на нас. Да и есть уже перехотелось, после такого зрелища.

Бросив свой ланч, мы спустились по лестнице и вышли к спортивной площадке школы.

Позже, как мы поняли, мисс Андерсен отвела Мерфи к медсестре и сообщила обо всем директору, а тот, конечно же, позвонил домой нашим родителям.

В тот же день я ждал Дугласа после уроков на улице у выхода из школы, он вышел, прихрамывая на одну ногу, с разбитой губой и синяком под глазом. Дуглас не рассказывал, где Джеймс и Крэй подкараулили его. Я был горд братом, что он не побоялся врезать Мерфи, но при этом мне было его сильно жаль.

По дороге к дому брат попросил не вмешиваться и не пытаться объяснить родителям, что на самом деле происходит, все равно не поверят и накажут не только его, но еще и меня. Я пытался уговорить его, хотя бы отцу рассказать, что Джеймс постоянно пристает к нему, и случай с подносом был попыткой защититься. На что он ответил, разочарованно покачав головой: «Джесси, отец не сможет понять это. Он отгородится и сведет все к тому, что мне якобы показалось, и Мерфи совсем не хотел ничего дурного. Про маму вообще молчу».

Когда мы добрались, родители были сильно сердиты на брата и даже не обратили внимания на ссадины. Отец прочитал мораль, что он нас не так воспитывал и лучше бы брат завел себе нового друга, поделившись едой вместо того, чтобы избить того подносом. Я со всей силы закатил глаза. Как будто Джеймс Мерфи может быть кому-то другом, кроме беспризорников Крэй. Мама же сказала, что Дуглас ее позорит, и она больше не хочет краснеть, выслушивая жалобы директора школы о том, как ее сын ужасно поступил с другим мальчиком. Меня выворачивало наизнанку от несправедливости, но я сдержал слово и не вмешался, о чем потом пожалел.

Целую неделю после случившегося в столовой брат оставался в конце уроков и делал дополнительные задания или просто сидел под присмотром дежурного. Я всегда ждал Дугласа, хоть это и занимало несколько часов. Мы шли домой вместе, иногда, если брата отпускали пораньше, заходили на поляну у ручья, проверить нашу будку на целостность. Из-за начавшихся весенних дождей и таяния снега нам казалось, она может развалиться.

Я и Дуглас стояли на берегу возле ручья. Я поправил лямки рюкзака, которые уже начали давить на плечи и, присев, взял из воды еще несколько камней побольше. Мне хотелось разрядить обстановку, поэтому я начал говорить первое, что пришло в голову:

– Эй, Дуглас, спорим, я попаду вон в то широкое дерево без рогатки? – дразнил я, указав на высокую сосну, ствол которой заметно выделялся на другой стороне ручья. Мои глаза неизбежно возвращались к ней. Вокруг расплзлась круглая пустошь – ни травинки, только лишь кучный куст орешника пригревал сбоку. Другие деревья рассеялись и стояли чуть поодаль.

Дуглас не сразу отреагировал на мои слова. Он, как и я задумался о своем, но спустя секунду брат произнес с ухмылкой на лице:

– Это легче легкого, я смогу хоть три подряд!

– Валяй, – сказал я, с вызовом подкидывая в руках горсть камней. – Только подряд, без промахов. Если проиграешь, то завтра на истории признаешься в любви мисс Андерсен, – подсмеивался я.

– Ха, хорошо, что я не мажу, – Дуглас широко раскрыл глаза, узнав, что стоит на кону. – Кому-кому, а тощей и вредной Вивиан не услышать от меня этих слов, – ответил брат, скривившись и высунув язык.

Он покрутил среднего размера камень между большим и указательным пальцами, затем уверенно подкинул его в руках. Снаряд дугой перелетел ручей и звонко ударился о широкий сосновый столб, и упав вниз, издал еле слышимый шорох под деревом.

Дуглас потянулся вниз за еще одним. Я засунул руки вместе с камнями, что собрал, в карманы расстегнутой куртки. Вдруг мое внимание привлекла яркая вспышка возле куста орешника рядом с той самой сосной. Повернувшись прямо, я пытался разглядеть, что это такое там блестит.

– Дуглас подожди, ты видел это?

Брат уже замахивался.

– Что «это»? – нетерпеливо вздохнул Дуглас и немного приспустил руку.

– Там что-то блеснуло, – я указал пальцами вытянутой руки на куст.

– Ты специально меня отвлекаешь, чтобы я промазал, и ты выиграл спор? – возмутился он, сузив глаза.

Я терпеливо вздохнул, и помотал головой.

– Давай так. Ты бросаешь, но после не опускайся сразу за следующим, посмотрим вместе, что будет. Вдруг мне не показалось.

Я примиряющее поднял раскрытые ладони перед собой.

– Как скажешь... – на вздохе произнес брат и закатил глаза, явно сомневаясь в моих словах.

Дуглас завел руку за спину, сконцентрировался и сделал еще один меткий бросок. Его кисть расслабленно застыла в воздухе, пока камень не прилетел точно в цель.

– Есть! – он победно сжал кулак.

Брат положил ладони по бокам и вгляделся в лес за ручьем. Я подошел к нему поближе. С минуту мы стояли в немом молчании.

– Ты же там видел свечение? – спросил брат, с нетерпением вытянув конечность вперед и указывая прямыми пальцами на кусты под сосной, где раньше мелькали слепящие блики.

– Да, – ответил я с досадой, потому что пока мы наблюдали, ничего не происходило.

– Видимо, тебе показалось, там ничего нет, – сказал Дуглас, – Похоже, у тебя глюки! – слегка рассмеявшись, и, подняв слабо сжатый кулак, он постучал мне по лбу костяшками пальцев.

Брат отнял руку от головы и второпях произнес:

– Ладно, еще один раз бросаю и идем домой, а то получим по шапке, что долго гуляли после школы. Да и темнеть начинает. Ох, еще же домашку делать. Мама еще говорила, возможно, приедет старый хрыч Джозеф.

– Пряма так и сказала? – усмехнулся я с удивлением.

– Ха-ха... Конечно, нет! Я от себя добавил.

– Только не он... – промычал я.

– Угу...

Дуглас завел руку за себя. Размахнулся и...

– В яблочко! – хмыкнул он. – Снова. Ты проиграл. Подожди-ка! А мы не договорились, что получу я, если выиграю! – возмущенно затынул брат.

– И правда! Получается перехитрил, сам того не понимая.

Камень, ударившись, отлетел немного правее дерева, попав в орешник, пружиня о тонкие ветки. Мы стояли на другом берегу, переводя глаза с сосны на орешник, не ожидая уже увидеть ничего интересного. Я заметил краем глаза, как Дуглас отпрянул взглядом и, переступив с ноги на ногу, подвел руку к моему плечу, чтобы успокоить мое детское любопытство. Но потом он резко повернул голову в направлении куста, его рука замерла от удивления и продолжала висеть возле меня. Из орешника у сосны послышался шорох и прутьики с листьями зашевелились.

Из орешника выпрыгнула крупная ярко-рыжая Лиса и приземлилась на том берегу.

Мы резко отшатнулись, упервшись ногами в сырую землю, готовые бежать.

Лисица медленно переступала черными лапами, приближаясь к кромке воды. Пасть раскрылась, розовый язык повис. На миг почудилось, она улыбается. Белая грудка вздымалась. Уши, обрамленные темным пушком, стояли двумя домиками на макушке. Она часто и тяжело дышала, будто торопилась сюда.

Без страха Лиса дошла до воды как до непреодолимого барьера и села напротив нас. Она наклонила голову набок, обняв четыре тоненьких лапки огненным хвостом, который тушила белая пушистая льдинка на самом его конце. От нее исходил легкий свет, который постепенно гас. Казалось, кто-то сзади нее держал слабый фонарик и у него садилась батарейка.

Замерев, мы вытаращили глаза. Каждый из нас разглядывал Лисицу. Я никак не мог понять: весь ее образ мне мерещится или все так, как оно есть?

– Джесси, т... ты... ты тоже видел это свечение? – прошептал, не шевеля губами, Дуглас.

– Ага, – также тихо и удивленно промычал я.

Дуглас и я раньше замечали животных в лесу: и белок, и зайцев, и змей, и разных птиц, но такую красивую, большую и загадочную Лисицу повстречали впервые. Мы стояли и смотрели на нее. Испуг постепенно спадал. Верх брало любопытство. Мы тоже приблизились к краю берега, подобравшись напротив. Нас с ней разделял ручей шириной не больше шести футов.

Лисица спокойно прыгала темно-оранжевыми глазами то на меня, то на Дугласа, встречаясь с нами взглядами. Ее шерсть выглядела такой мягкой и нежной, что мне сильно захотелось уткнуться в нее носом.

– Она миленькая, – я присел на корточки, – хочется к ней прикоснуться.

– Джесси, не забывай, что она дикая и вряд ли подпустит к себе настолько близко.

– Иногда ты ужасно скучный, прям как старик, – я состроил недовольную гримасу, – Может ее прикормить?

Брат не ответил, он был заморожен звериной красотой Лисы, хоть и пытался ей сопротивляться. В этот момент, вероятно, не устоял, мысленно согласившись с высказанными мной ощущениями, потому и не сводил с нее глаз.

Опустившись одним коленом на мокрый валун, торчащий на краю берега, я снял свой рюкзак и достал оттуда почти пустую упаковку крекеров. В пакете оставалось всего три штуки. Я взял один и подкинул его Лисе. Крекер упал перед ней. Она пригнулась и принялась коричневым, блестящим носом. Встала, склонила морду над печеньем и подняла его с земли острыми зубами. Печенье рассыпалось крошками, пока Лиса за два прикуса его ела. После она облизнулась и снова подняла оранжевые глаза на нас, сидя у кромки воды.

Я с довольным лицом протянул один из двух оставшихся крекеров Дугласу, откусив половину от второго.

– Ну вот, что я говорил?! Теперь мы с ней друзья навек, она будет жить в нашей будке и охранять поляну! – самодовольно воображал я.

Дуглас терпеливо вздохнул и надломил крекер зубами, один кусок упал в рот, а второй он зацепил пальцами и бросил Лисе. Он молча потянулся за своим рюкзаком.

– Решил последовать моему совету? – хихикнул я.

– Нет. Подумал, она голодна, весна все-таки, дичи в лесу не так много пока что, – ответил мне брат, продевая руки в ляжки, – Пойдем, нам пора домой.

– Дуглас, ну, еще пару минут побудем здесь, Лиса все равно скоро уйдет.

– Джесси, если мы сильно задержимся, то завтра не сможем прийти сюда после школы, а у нас, если ты помнишь планы....

– Ты прав. Надеюсь, Лисица завтра снова покажется, – произнес я со вздохом, нехотя приняв поражение в споре, и поднялся на ноги.

Закидывая рюкзак за спину, я глянул на Лису. Ее длинная морда внезапно стала выглядеть строже, глаза смотрели в никуда. Она настороженно прислушивалась к шорохам лесной округи, недоступным людскому слуху. Уши дергались из стороны в сторону. Само ее мохнатое тельце оставалось неподвижным и обращенным к нам. Хвост уже не лежал спокойно возле лап, как раньше, он был выпрямлен позади лисьей спины.

Брат уже открыл рот, чтобы поторопить меня двинуться с места, как я оступился на скользком камне. Из кармана куртки посыпались камни. Лиса резко выставила длинные лапы вперед и, сведя уши на макушке, пригнула и вытянула голову. В ее горле заклокотал слабый рык. Мы вздрогнули, испугавшись.

– Чего это с ней?.. – шепотом я растерянно задал вопрос в воздух. – Неужели из-за выпавших камней?

Шерсть Лисы от макушки до самого хвоста поднялась дыбом. Темно-оранжевые глаза казались дикими. Оскалив зубы, она повела морду чуть в сторону, к кустам орешника, из которых она сама и выпрыгнула. Лиса с оскалом, медленно переступая лапами, разворачивалась.

– Что-то ее напугало, – последовал тихий ответ Дугласа.

– Видимо, не хочет, чтобы мы уходили, – ерничал я, при этом оставаясь напряженным.

– Джесси, не начинай.... Идем! – с этими словами старший брат взял меня за предплечье и потянул за собой.

Мы уже развернулись уходить, когда со стороны кустов за ручьем послышался треск сухих веток. Рыжая прыгнула, встав мордой к орешнику. Она сгорбилась. Рык нарастал.

Брат настойчиво тащил меня за собой в низину узкого оврага, чтобы выйти на дорогу, ведущую к дому. Я переставлял ноги, догоняя его, и то и дело оборачивался, желая увидеть, кто же прячется там, за кустами орешника. Перед тем, как окончательно скрыться за крутой склон, я вырвался из крепкого хвата и высунулся посмотреть, держась за земляной край. Лиса настороженными шагами приближалась к кустам и бойко рычала.

– Джесси, нам пора... – с нажимом произнес у меня за спиной Дуглас.

– Одну секунду, – я отмахнулся от брата, который нервно дышал мне в затылок. За мной ему не было видно, что происходит на другой стороне ручья.

Я оторвал взгляд от Лисы и увидел девочку. Светловолосая, в белом сарафане, примерно того же возраста, что и Дуглас. Она стояла в тени сосны, листья заслоняли ее наполовину.

– Джесси, идем... – торопил брат.

Я не слушал.

Две толстые растрепанные косы. Неподвижное лицо. Большие глаза смотрели прямо на меня. Они завораживали, манили. Красота колола взгляд. Что-то таилось в ней. Лиса рычала, не давая ей подойти, но девочка оставалась спокойной, будто ей ничто не угрожало.

– Джесси!...

Она подняла указательный палец и выписывала им дугу в воздухе. Я смутился. Губы слиплись, я еле их разомкнул, чтобы окликнуть брата. А потом она одарила меня жуткой, не по-человечески широкой улыбкой. От уголков губ к скулам расходились бордовые шрамы. Я застыл. За этой улыбкой чувствовалось что-то болезненное, губительное.

Дуглас дернул меня за рукав, заставив попятиться и развернуться.

– Идем уже, Джесси! – раздражался он.

– Дуглас, я видел! Там, в кустах, была девчонка! – я пытался объяснить. – Но она странная, – осекшись, добавил я с прищуром. – Смотри, смотри! Посмотри же, ну!

Дуглас нетерпеливо взглянул на меня, протиснулся мимо и вышел на край поляны.

– Никого нет. И Лиса убежала, – Дуглас развел руками и шлепнул себя по бедрам. – Пошли, завтра снова придем сюда. Не расстраивайся.

Он зашагал по тропинке домой. Я снова высунулся за край оврага. Пусто. Сосна, орешник и ручей. Поджав губы, я побрел следом за братом.

Глава 3. Морозная пелена

– Как думаешь, что она делала одна в лесу? – мы свернули на дорожку к дому.

Он стоял посередине улицы. С одной стороны жили старый рыбак с женой – мистер и миссис Белморды, они были тихими соседями, по праздникам мама заносила им пироги; с другой – был вынесен на продажу. Жильцы пока не нашлись.

– Да какая разница! Девчонка и девчонка... Мы же тоже гуляем в лесу, – ответил мне брат без интереса.

Вечерело. Небо натянулось точно тряпичное полотно: вот-вот не выдержит количества капель на себе и прольется ливнем. Как и мои мучительные догадки.

– Какая разница?! Тебя не волнует, откуда она взялась? Почему она в платье, когда холодно? И пальцами крутила, будто колдует? Из-за чего Лиса на нее кинулась? С нами же она была спокойна! – я загибал пальцы, – А улыбка! От уха до уха, как будто ей щеки разрезали!

Все, что случилось в лесу, меня взбудоражило, и я точно знал, что Лиса рычала на ту незнакомку не просто так. Она до чертиков жуткая. Даже мурашки пробежали по спине.

– Джесси, я не вижу в этом ничего странного, она подкралась к дикой Лисе со спины, вот та и разозлилась. Да и вообще сомневаюсь, что там кто-то был. Ты либо меня разыгрываешь, либо тебе самому показалось, – ответил мне брат, – В общем, не бери в голову и все.

– Дуглас, я знаю, что именно видел там, мне не показалось, – проговорил я с досадой в голосе. – Я, по-твоему, сумасшедший?

В ответ брат устало вздохнул и продолжил:

– Братишка, конечно, я не думаю, что ты сумасшедший. Мне сейчас не до мыслей о девчонках, которые бегают по лесу в белых платьях. Я пытаюсь придумать, как нам с тобой избежать стычки с Мерфи и Крэй. – говорил Дуглас успокаивающим тоном, – Ты так вообще слишком мелкий, чтобы тебя дубасили сразу трое. – брат, хохоча, взлохматил рукой мою макушку, из-за чего русые волосы рассыпались мне на лицо, прикрыв глаза и кончик носа.

– Ха, я и сам могу о себе позаботиться! – возмутился я, убрал свои лохмы с лица, – я тебе не какой-то там сопляк!

– Конечно-конечно! Ты просто до сих пор любишь сказки, – сдался в споре Дуглас и посмотрел на меня, посмеиваясь, – Ты чего так разозлился? – брат обвел рукой мою шею, – Джесси, малыш, я всего лишь забочусь о тебе, – сказал мне прямо в ухо Дуглас, чем окончательно вывел из себя.

– Ух, сейчас я тебе врежу!

Я скинул хватку брата и хотел дать ему пинка, но тот он рванул к двери. Я погнался следом и снес его с ног. Входная дверь распахнулась, ударившись о стену, мы ввалились в прихожую. Я придавил Дугласа к полу.

– Что за грохот? Мальчишки, это вы? – донеслось с кухни.

– Привет, мам, да, мы! – крикнул я, дразня брата.

– Джесси, свали с меня! – зашипел Дуглас, выворачиваясь.

– Как же! Уже разбежался! – я ухватил брата за нос.

Коронный прием. Дуглас ненавидел, когда хотя бы кончиком пальца дотрагиваются до его носа. Он трепыхался как рыбина, которую только что выбросили на берег. В конце концов брат повернулся на бок, и я съехал на пол по его спине.

На кухне загремели кастрюли, потом строго зацокали каблук. Мама шла к нам.

Сквозь тишину, поглотившую наш дом на Ривер Драйв, любой шорох было слышно, как гром. Только шум улицы со стороны открытой двери едва маскировал беззвучную скованность.

Эвелин появилась в проходе в красном фартуке поверх длинного синего платья с собранными в тугий хвост светлыми волнистыми волосами.

– Привет, мам! – я вскочил и поправил задрвшуюся под рюкзак куртку, стараясь выглядеть приличным, разве что красный румянец на щеках выдавал мою детскую непосредственность. Дуглас остался лежать на боку, подперев рукой голову.

Мне нравилось бороться с братом, особенно, когда я одерживал верх, и мне удавалось хоть немного подразнить его своими ребяческими издевками. Но при маме старался так себя не вести. Она любила, когда мы были спокойными и послушными.

– Привет, малыш, – она взяла мою куртку. – А ты почему лежишь на полу? Встань немедленно, это неприлично. И закрой дверь, холодно!

Дуглас покосился на меня, пряча улыбку. Он поднялся, толкнув деревянную белую дверь, и стянул куртку с рюкзаком. Мама повесила одежду в шкаф и повернулась к нам:

– Ужин будет готов через час, ровно в шесть, приведите себя в порядок и отдохните, – Эвелин чопорно сложила руки в замок у живота костяшками вниз.

– Хорошо, мам, – одновременно произнесли мы с Дугласом.

Едва она скрылась на кухне, брат шепнул мне на ухо:

– Джесси... Малыш... Рассказать тебе сказку на ночь?

Я закатил глаза. Он ткнул меня пальцем в губы.

– Не дуй губки.

– Ну, ты и придурок, – я дернулся ударить, но он отпрыгнул, кулак проскользнул вдоль живота по футболке.

– Промазал! – Дуглас расхохотался и убежал.

Из кухни послышался недовольный голос мамы:

– Сию же секунду прекратите и поднимайтесь к себе!

– Прости, мам, – протянул я и пошел в спальню.

Брови сами собой хмуро набухли над глазами, да так, что я их немного различал, когда задираю глаза вверх.

Пройдя в просторную, серую гостиную, я увидел отца. Он сидел на своем любимом кресле, обшитом шершавой тканью с узорами из лепестков, рядом со стеклянным журнальным столиком, за которым стояла широкая тумба и выключенный огромный телевизор с антеннами на ней. В нашем доме его смотрели крайне редко.

Страницы толстой газеты, что была развернута перед отцом, по углам поползли вниз. Он встряхнул ее, поставив колом, и спрятал голову до самой макушки, только широкие статные плечи, одетые в белоснежную рубашку, выглядывали из-за бумажного укрытия. Видимо, недавно вернулся с работы. Еще не переоделся.

– Тише-тише, не бегай по дому, Дуглас! – отстраненно сказал отец брату, топот которого скрылся на втором этаже, где располагались спальни: наша, родительская и гостевая.

– Привет, пап! – произнес я, шагая мимо.

Наверху хлопнула дверь, и я поджал плечи к ушам, испугавшись громкого звука.

– Привет, Джесси, как дела в школе? – спросил отец, встряхнув газетой и скрыв ею недолгий взгляд.

– Все хорошо, – ответил я и стал неспешно подниматься к себе, слышно наступая на ступени. Так получалось не специально, в гостиной было слишком тихо. Ломаное шуршание прессы и мои шаги бередили громоздкое молчание. Как будто никого тут и нет вовсе.

Поднявшись, я открыл дверь нашей с братом комнаты, она находилась сразу за углом после лестницы.

Голубые стены спальни облупились, они были выкрашены еще в то время, когда мне стукнуло четыре года и меня переселили к Дугласу.

Кажется странным, что я помню себя в то время. Воспоминания иногда приходят ко мне яркими вспышками. Иногда они незначительные и мутные, порой яркие и четкие, реже мучительные и похожие на сны.

В детстве я очень просил у родителей жить со старшим братом, они разрешили, да и брат был не против, все равно каждую ночь я прибегал к нему, и мы спали вместе на одной кровати. Позже мою старую спальню переделали в гостевую. В ней иногда останавливался дед, когда приезжал проведать маму.

Глубокие трещины на стенах мы заклеили постерами из журналов любимых актеров и певцов. Это добавляло нашему уголку в доме особый характер: в музыке и героях мы прятали наши надежды, волю и мечты.

Дуглас уже сидел ко мне боком за письменным столом, перед ним лежали учебник и тетрадь. Он мельком посмотрел на меня и почесал нос большим пальцем, чтобы скрыть свою наглую ухмылку.

– Ненавижу, когда ты так делаешь! – проворчал я, пересекая порог, и бросил рюкзак на пол.

Мебель в нашей комнате стояла зеркально. От двери тянулись две узкие кровати, придвинутые к стенам по обе стороны комнаты, у изножья их подпирали письменные столы, а к столам, ближе к окну, прижимались открытые шкафы. Свой шкаф Дуглас заставил книгами, он любил читать. Множество прочитанных историй пылились в стопках. Мой же был забит всякой всячиной: старыми комиксами, игрушками, карточками с машинами, камнями. Но было там припрятано кое-что еще. Толстая энциклопедия. В детстве я перечитывал ее много-много раз, особенно, те разделы, где были описаны животные. Сейчас в ней хранятся красивые листья из леса, которые мне попались на глаза. Мой самый любимый – большущий, размером с три моих ладони, фиолетовый кленовый листок. Видели когда-нибудь фиолетовые листья? А я нашел. Он – один единственный на свете.

– Как? – Дуглас повернулся ко мне.

– Вот так! Вечно цепляешься, когда мы дома, – я вытаскивал на кровать вещи из рюкзака, демонстративно отвернувшись. – Я не мелкий! И перестань корчить из себя взрослого. Думал, мы друзья... И зачем ты все время бесишь родителей? Шумишь, бегаешь по дому, валяешься на полу. Знаешь же, что мама злится.

– Прости, Джесси, я не хотел. Думал, ты понимаешь – я просто валяю дурака. А родители... – Дуглас вздохнул, – Да просто... Не знаю. Они меня раздражают.

– Из-за того случая в столовой? Когда ты... Ну это... Врезал Мерфи? – я посмотрел на Дугласа, кинув последнюю книгу на собравшуюся кучу.

– И да, и нет! – он дергано скривился и отвернулся.

Я собрал учебники и положил на стол. В ящике, среди хлама, который я складывал перед маминими проверками, лежал новый комикс про Человека паука. Выменял его у Гарри, с ним мы часто находили общий язык как раз на фоне любви к комиксам. Я устроился поудобнее на кровати, закинув ногу на ногу, и открыл первую страницу.

– Зубрила, ты мешаешь мне листать комиксы! – фыркнул я, когда монотонное бормотание Дугласа пробилось сквозь картинки.

– Джесси, не сбивай, – буркнул мне брат и продолжил тараторить себе под нос, сидя за столом. – Тысяча двести сорок второй... тысяча двести сорок второй год...

– Мы только вернулись, а ты сразу за уроки, – не переставал я.

– Завтра с самого утра в расписании Вивиан, угадай, кого она заставит отдуваться первым? – Дуглас развернулся ко мне и растянул руки по сторонам, – Конечно, Дугласа Вуда! Как будто мне это нравится. Не всем так легко дается учеба, как тебе. Ты даже толком ничего не учишь, а все знаешь.

– Я просто хитрый и не напрягаюсь. Ладно, так или иначе, скоро идти ужинать, – я отбросил книжку и сел, свесив ноги до пола.

На висевших глянцевых плакатах мерцали последние блики заходившего солнца. Я взглянул за широкое окно. На улице смеркалось. Красные краски зари перемешались с вечерней синевой. В животе уже расплзлась пустота. Надо бы сходить на кухню, помочь маме.

Дверь в комнату оставалась приоткрытой. За нее не очень-то хотелось выходить. Манящий запах жареного мяса, что сочился через зазор, влек наружу в холл, по ступеням вниз, а затем в столовую.

– Жуть, как хочется есть, еще пахнет так вкусно. Дуглас, я спущусь вниз, ты со мной?

– Буду через пару минут, – буркнул он и продолжил дальше штудировать тетрадь по истории.

Подпрыгивая на мягких ногах по ступеням, ведущим вниз в гостиную, я нарочито стряхивал с себя трудноуловимую тяжесть, которая привычно ощущалась во всем доме, кроме нашей комнаты.

В гостиной стало довольно темно, дневной свет не освещал комнату так же, как час назад. Я щелкнул переключателем и увидел, пустое кресло отца. Рядом на стеклянном журнальном столике он оставил свою газету, раскрытую на странице, которую читал, где большими черными буквами было написано: «Спорт».

Из кухни доносилось шкворчание масла и насыщенный запах еды.

– Мам, я голодный. Скоро ужин?

Эвелин стояла возле плиты и жарила отбивные.

– Почти готово, отойди от сковороды, масло брызжет во все стороны, – хмурясь и отклоняясь назад, сказала она, переворачивая мясо.

– Тебе помочь?

– Расставь приборы на столе и позови брата.

Из шкафа у дальней стены я взял тарелки старого хрустального сервиза (его подарила нам бабушка Долорес много лет назад), приборы и салфетки и понес их на стол, который стоял в углу комнаты. Затем вернулся и взял стаканы. Расставив все по местам на оранжевой скатерти, я пошел за братом. Что-то он засиделся.

Когда приблизился к лестнице, дверь нашей комнаты захлопнулась, и из-за угла наверху показался Дуглас.

– Ужин готов, – сообщил я брату, стоя возле первой ступени.

В ответ он кивнул и начал молча спускаться вниз. Дождавшись его, мы вместе прошли в уборную и тщательно вымыли с мылом руки и лица. Когда мы вернулись на кухню, блюдо с отварным картофелем, политым маслом, было готово к трапезе. От него медленно поднимался вверх пар, разнося теплый запах вокруг. Я облизнулся и погладил себя по животу.

Мы уже отодвигали стулья, чтобы уместиться за стол, как мама заговорила. Ноги застыли в полусогнутом положении.

– Дуглас, возьми миску с отбивными и положи каждому по одной, – обратилась она к брату, нарезая салат.

– Хорошо, а где она? – Дуглас выпрямился и оглянулся по сторонам.

Я же сел опустил на сиденье и, пока мама не видит, тихонько ковырял вилкой картофеля в блюде, что стояло на самом углу скатерти.

– Пройди сюда ко мне и посмотри, наверняка она рядом с плитой, – вырвалась сердитая подсказка.

Он взял глубокую миску и распределил поджаристое мясо по тарелкам. Закончив, брат отнес пустую миску в раковину.

– Мог бы сразу помыть, вот Джесси сам всегда вызывается помочь мне по дому, – обиженным тоном проворковала мама, недовольно глянув на испачканное колено джинс Дугласа.

– Мам, давай я помою всю посуду, когда мы поедим, я сильно голоден, – Дуглас, остановился рядом и ждал кивка, мычания, да любого слова кроме тишины, положив локоть на столешницу.

Эвелин непреступно заканчивала резать салат. Брат разочарованно слегка пристукнул кулаком по столешнице и поджал губы в тонкую линию.

Дуглас побрел ко мне, склонив голову. Заняв свое место за столом и украдкой заметив, как я ворую вилкой крохи картошки, брат заулыбался, едва не хихикнув вслух. Он остановил свой порыв, зажав ладонью рот, чтобы мама не услышала.

Вдруг на кухне звонкой дрожью разразился телефон. Эвелин сполоснула руки под краном и развернулась, чтобы подойти к стене у холодильника, на которой он висел. Я резко отпрянул вилкой от картофеля. Брат покосился на меня и похлопал ладонью мне по плечу. Она не заметила.

– Ало. Добрый вечер, сэр... Конечно, завтра с нетерпением ждем вас всей семьей к ужину... Хорошо. До свидания. – мама положила трубку и вернулась к своим делам. Спираль провода от телефона еще некоторое время пружинила, ударяясь о стену.

– Кто это был? – шепнул я брату.

– Не знаю, – ответил мне одними губами Дуглас. – Но судя по маме – Джозеф.

– Дед? И она зовет его сэр? С каких пор?

– Угу, ты просто не замечал, все зависит от его настроения. – чуть наклонившись, тихо сказал Дуглас.

В столовую вошел отец, когда мама поставила салатник с нарезанными овощами на стол. Он уже переоделся. Рукава рубашки были закатаны по локоть. В глаза бросались старые, потертые временем джинсы в коричневых и желтых пятнах, которые так и не отстирались от мазута и масла. Стало ясно, что все это время он ковырялся в гараже, колдуя над своим пикапом шевроле. Статная фигура отца и широкие плечи загородили проход, да и вообще, в нашей не такой уж и большой кухне, которая вмещала в себя еще и столовую, он казался огромной горой.

Его черные, густые, короткие волосы были аккуратно подстрижены, точно под линейку с разных сторон, как и борода. По лбу отца рассеялись мелкие капли, поблескивая под светом лампочек на потолке. Видимо, он умывался после грязной работы в гараже. Папа мог часами заниматься ремонтом машины, забывая про весь мир. Иногда он звал нас помочь ему. Много рассказывал мне и брату, как работает двигатель, как менять масло, откручивать гайки и болты и что с ними делать, когда они прикипают, и, приходится идти на разные ухищрения, используя слесарные инструменты, чтобы их подпилить.

– Я надеялась, вы переоденетесь к ужину хотя бы в чистые рубашки, – сказала мама недовольным тоном, глянув на старые джинсы отца. – Ох, от осинки не родятся апельсинки, – намекнула она, переведя взгляд на испачканные штаны Дугласа, – Да ладно, имеем, то, что имеем, садитесь.

– Эвелин, дорогая, не расстраивайся, в следующий раз мы обязательно исправимся, – сказал отец, потирая руки, и присаживаясь на стул напротив меня, – Да, ребята?

Мы с братом переглянулись и оба посмотрели на свои самые обычные джинсы и водолазки. Непонятно, чего они вдвоем хотят от нас. Подумаешь штаны немного запачкались.

– Я жутко проголодался, ужин выглядит великолепно, Эвелин! – объявил отец с радушием. Он довольно глянул на накрытый стол, предвкушая сытную трапезу.

– Спасибо, Генри, – равнодушно проговорила мама и села рядом с ним. Мы все вместе взяли светлые салфетки и уложили их себе на колени.

Мама с папой сидели напротив нас. Они держались спокойно, но между ними чувствовалось некое напряжение. Снова повздорили.

Родители познакомились в колледже. Отец учился на факультете инженерии, мама изучала социологию. Папа всегда выглядел как статный красавец: широкоплечий, добродушный

брюнет сразу привлек внимание избалованной Эвелин. Они влюбились, не дотянувшись до глубины друг друга, как они сами говорили, поженились на последнем курсе, завели детей и переехали в Сенсвил, где отцу предложили должность младшего инженера на рыбном заводе.

Эвелин детство и юность прожила в изобилии. Оглядываясь на прежнюю жизнь, что давал ей ее отец Джозеф, она часто кричала на Генри, говорила, ей здесь тоскливо в крохотном городке. Не хватает той самой приличной жизни. Джозеф – дед, всегда был против этого брака, он никогда не скупился на оскорбления и колкости в адрес Генри и нас с братом. Мы были недостаточно благородны, по его мнению, называл дворнягами или щенками. В общем, я и брат считали его чудовищем. Мы его ненавидели. Как-то раз, я и Дуглас наткнулись в гараже на старые фото деда. Мы изрисовали карточки и сунули их в бардачок мерседеса Джозефа перед его отъездом. Как же мы тогда от души посмеялись. Он обнаружил их только спустя месяц. Старый хрыч так орал в телефонную трубку, что его крик мы отчетливо слышали, когда он позвонил маме. Тогда даже папа довольно ухмыльнулся.

Однажды Генри сильно поругался с Эвелин, ушел в гараж, где мы с Дугласом искали гвозди для будки. Тогда он сорвался и выдал, что было время, когда Джозефа несколько оставливая бабушка Долорес, но, когда та умерла, его мало что могло удержать в узде. Долорес мало-мальски, но умела уважать чувства других людей.

Я видел, мама хранит ее черно-бело-желтое фото. Она вставила его между рамой и зеркалом в своей спальне.

Джозеф всегда был снобом. Единственное, что отличало меня от брата в отношении деда по материнской линии, я пытался не отсвечивать, когда приходилось общаться с ним, а Дуглас, наоборот, лез на рожон, впрочем, так он вел себя практически со всеми.

Пока бабушка Долорес была жива, я любил расспрашивать ее, как Эвелин и Генри встретились и поженились. Так вышло, что мама в юности бунтовала и шла наперекор каждому слову Джозефа. Она влюбилась в бедняка Генри – сына фермеров по самые уши. Бабуля хихикала и говорила, что будь она помоложе, сама бы обратила внимание на такого высокого, видного красавца.

Сейчас же мама бесконечно пыталась сгладить углы между своей нынешней семьей и той, в которой выросла. Каждый раз, когда ее отец навещал нас в своем наглаженном костюме тройке и загнутыми седыми усами, сующимися не в свои дела, она драила весь дом до блеска и готовила настоящий пир, лишь бы тот не воротил нос. Мы с братом переживали время с Джозефом затаившись, как в самих себе, так и в нашем убежище на втором этаже дома. Генри отсиживался в гараже.

Родители отца редко приезжали. У Брайана и Патриции было свое большое хозяйство. Работы много, трудно оставить на кого-то. Да и Эвелин всегда прогоняла их своим леденящим холодом и презрением. С возрастом мама становилась все больше и больше похожа на дедушку Джозефа. Считала Брайана, Патрицию, и, что уж мелочиться, Генри деревенщинами и частенько срывалась на грубость.

Дедушка Брайан в своей привычной, выцветшей, клетчатой рубашке постоянно шутил незамысловатые шутки, над которыми звонко и заразительно хохотала его жена – Патриция. Ее седые кудряшки на голове пружинили вместе с несдержанным смехом. Надо сказать, что рядом с ними отец оживал, был как никогда общительным и внимательным, даже доставал старую, бейсбольную перчатку из пыльных ящиков в гараже и кидал с нами мяч на заднем дворе. И все же бабуля с дедулей смотрели на меня и Дугласа с жалостью. Может поэтому они старались казаться настолько веселыми и жизнерадостными. Это помогало, но лишь на время. Да и мама все портила как минимум своей кислой миной.

Каждое лето я и Дуглас ездили на пару недель погостить на ферму. Мы пили молоко с утра до ночи, бегали по полям, кормили пугливых куриц, пасли обросших овец. Бескрайняя свобода. Брайан с Патрицией были самыми добрыми и милыми стариками. По вечерам, когда

работа на поле и со скотом подходила к концу, дедушка звал меня и Дугласа покататься по очереди на Звезде – пахотной лошади. У Звезды был темно-коричневый окрас, густой чуб и громадные копыта. Бабушка Патриция вечером, после ужина, всегда усаживалась в кресло на деревянном крыльце, вязала крючком салфетки для украшения стола и пела старые песни о любви. Набегавшись днем по ферме, мы с Дугласом садились подле нее на ступени, гладили рыжего толстого кота Персика и черно-белого пса Жучка. Лето на ферме было лучшим временем в году.

– Как в школе ребята? – мама посмотрела прямо на Дугласа, сидящего напротив нее за обеденным столом.

– Все хорошо мам, – ответил брат, цокая вилкой и ножом по тарелке, пока отец накладывал себе вареный картофель из широкого гладкого хрусталя.

– И у меня хорошо, – сказал бодро я. – Мам-мам, у меня же через несколько недель день рождения, мне же будет одиннадцать, в следующем году я перейду в средние классы к Дугласу, значит – буду взрослый. Можно... Я бы хотел... Подарите мне кассету с новым альбомом Бон Джови? Это моя любимая группа! Пожалуйста! – страшно умолял я.

– Конечно, сынок, это ведь день рождения, – подмигнул мне отец, попивая компот из ягод.

– Мы подумаем, Джесси, – сказала мама, подтянув снисходительно уголки губ.

Я с обнадеживающей радостью откинулся на спинку стула и с усилием стал нарезать на маленькие кусочки поджаристое мясо.

– Дуглас, подготовься к завтрашним урокам как следует. Тебе надо исправлять историю, – сказала мама, принимая от отца блюдо с картофелем.

– А что исправлять? У меня балл выше среднего, – ответил ей Дуглас, взяв от нее глыбистый хрусталь.

– Но не отлично, – подметила она ровным тоном.

– Можно я поем? – Начиная злиться, Дуглас, накладывая в тарелку три круглых блестящих от масла картофелины и протягивая мне почти опустевшую, но тяжелую глыбу. Я смахнул оставшийся картофель себе к отбивной и поставил, наконец, это тяжелое и пустое, хрустальное блюдо на стол. Тем временем, отец наспех уже доел свой ужин, жуя с набитым до круглых щек ртом.

– Мам, я новый комикс выменял у Гарри Дримера, – дожевывая кусок отбивной, хвалился я, – про человека-паука! Представляешь?

– Здорово, Джесси, но это не та литература, которой стоит хвалиться, дорогой. – Мама снисходительно улыбнулась и продолжила, – Вот видишь, Дуглас, мы просто разговариваем, я хочу знать, как у тебя дела, – сказала она и протиснула крупинку картошки между зубами.

– Тогда плохо у меня дела, – со вздохом, сдаваясь, ответил, Дуглас.

– Почему? – коротко и легко спросила Эвелин, провожая взглядом вилку отца, воткнувшуюся в салат и отправившуюся напрямик ему в рот. – Ну и манеры, – прошептала она себе под нос, как будто бы неслышно для всех.

– Дуглас? – обратилась она снова к брату: – Почему? Будь добр ответить.

Дуглас молчал. Я чувствовал, он хочет рассказать про все, что с ним творится. Я был уверен, родители поймут, увидят правду, помогут, все решат, все будет хорошо.

– Мисс Андерсен, постоянно занижает мне оценки, как бы я не старался, всегда находит, к чему придраться. Она меня ненавидит.

– Сынок, она тебя не ненавидит. Она... немного разочарована, после последней твоей выходки с тем мальчиком из семьи Мерфи. Впрочем, как и все мы. Как можно было такое вытворить... – она вздохнула и покачала головой. – Ты же приличный молодой человек, из благополучной семьи, хорошо учишься и...

– Эвелин, милая, он все понял, – сковано вмешался отец, – Больше такого не случится, правда ведь Дуглас? Мы хотим тобой гордиться, сынок, – отец по-детски улыбнулся Дугласу, ожидая его согласия.

– Конечно, пап!

– Дуглас, я надеюсь, ты извинился перед тем мальчиком? – не успокаивалась мама.

– Нет. И не собираюсь, – брат встал в позу в разговоре. Я чувствовал, его предел близко. Ковыряя вилкой в картошке, он не поднимал взгляда.

– Дуглас, посмотри на меня.

– Эвелин, мне кажется, это лишнее, уже несколько недель прошло с того инцидента, – снова встрял отец, – Парни сами разберутся.

Мама лишь на секунду холодно глянула в его сторону.

– Молчу-молчу, тебе виднее... – подчинился отец.

Он нелепо поежился перед пустой тарелкой, сделав глоток из стакана, и вышел из кухни, наспех поблагодарив маму за вкусный ужин.

– Чтобы завтра же пошел и извинился перед ним! – мама, сбросив беспристрастную маску, почти прорычала указание Дугласу, не оглянувшись на мужа, который только что сбежал.

– Нет.

– Мам, Джеймс Мерфи – полный кретин, – пискляво зазвучал я.

– Что за выражения, Джесси?!

– Он постоянно нас достает. Дугласу не за что извиняться, – не обращая внимания на возмущения мамы, вступился за брата я, стремительно вывалив то, что хотел сказать давно.

– Да, почему ты так прицепилась к этому Мерфи, я его ненавижу! – вскрикнул, Дуглас. – Чтоб он провалился!

– Потому что я считаю, так правильно! Мне плевать, кто этот мальчик, – начала повышать тон она, мечась взглядом от меня к брату: – Главное, чтобы мои дети вели себя прилично!

– Мам... – попытался встрять я блеющим голосом.

– Мне пришлось, ясно тебе? Я защищал себя и Джесси! Слышала бы ты, что он говорил!

– Дуглас перебил меня и вскочил из-за стола, демонстративно, скинув салфетку с колен на стул, и уже намеревался уйти.

– Сядь сейчас же! – раздался мамин крик.

Дуглас остановился возле стола полу боком, не решаясь двинуться дальше.

– Мисс Мерфи хорошая женщина из состоятельной семьи, мы с ней пару раз встречались в городе, – мама, положила приборы на стол и, обернувшись к брату с округлившимися глазами и вздернутыми бровями, развела ладони, – Я даже представить не могу, что пойду к ней разбираться в ваших мальчишечьих склоках.

– Мам, но... ведь... Он же первый начинает, – отчаянно влезал я, держа вилку с ножом в руках, не в силах отправить кусок в рот.

– Как и всегда, как и всегда! Тебя волнует, только картинка, мы хорошие мальчики, а мы нехорошие! Мы плохие! Я плохой! На нас, как ты и выразилась, тебе все равно плевать, – стоя над мамой, почти рыдал, Дуглас.

Она потеряла лицо ладонями.

– Если бы мне было плевать на вас, я бы не отдавала столько сил вашему воспитанию, Дуглас! – мама почти шипела на брата, облокотив руки на стол и убедительно вытянув свою голову к лицу Дугласа: – Неужели так трудно, следить за своим поведением? Это и тебя касается Джесси Вуд! Твое сквернословие меня настораживает.

Я чувствовал, что должен был вмешаться, что мог разрешить этот дурацкий спор. Но слова... Эти нужные, дурацкие слова никак не находились.

– Мне это не надо! – возмущенно и истошно выпалил брат, – Твое воспитание! Я и без него нормальный.

– Достаточно! – отрезала мама. – Я все сказала, неблагодарный мальчишка! Быстро за стол!

Я смотрел исподлобья. Дуглас скрытно смахнул слезы с щек и сел обратно. С опущенными головами мы оба уже без аппетита отправляли куски сочной свинины и рассыпчатого картофеля себе в рот. Я не чувствовал вкуса. Во рту было сухо, хотя густая слюна обволакивала еду. Дуглас шмыгал носом, а я то и дело косился на него. Мне тоже хотелось плакать, но я держался изо всех сил. Брат, не выдержав, вытер нос рукавом. Мама вздохнула, со стуком опустив руки на стол. Нож и вилка звякнули.

– Дуглас, сходи в уборную и умойся. У меня сегодня для вас важное сообщение.

Я не мог поверить, что мама не поняла. Не встала на нашу сторону. Отмахнулась. Все ведь до краев очевидно. На нас вечно нападает шайка школьных негодяев. Мы защищаемся. А она на их стороне. Не на нашей. Еще и виноваты во всем тоже мы. Как же так? Почему я чувствую себя преданным, растерянным и опустошенным? Я будто пытался пройти сквозь стену, надеясь, что кирпичи раздвинутся. Получается, Дуглас был прав, лучше и вовсе ничего не рассказывать.

Брат быстро сбегал в туалет рядом с кухней и вернулся. На оранжевой скатерти у меня под носом растеклись капли масла поверх изогнутых линий продолговатых лепестков. На потолке трещали лампочки в люстре, распыляя желтый свет над нами. За окном уже стемнело. Громыхнуло. Дождь разлился нахрапом. Сквозь открытую форточку влажный воздух прогнал остатки дымки от жарки мяса.

– Итак, дети, папа уже в курсе, но вы еще нет, – как ни в чем ни бывало начала говорить мама, – Завтра приезжает ваш дедушка Джозеф, поэтому вы должны вести себя примерно: никаких вспышек своевольности, за ужином парадный внешний вид – белые рубашки и брюки. Они, наверное, уже покрылись толстым слоем пыли, не помню, когда вы их последний раз надевали. Неужели так трудно выглядеть красиво? – начинала тираду она. – Просто рубашка и брюки, что сложного? Совсем как папа ходит на работу. Джесси, и избавь нас от рассказов о своих комиксах, ваш любимый дедушка не будет про это слушать, лучше оба расскажите, как вы хорошо учитесь, или прочитайте красивое стихотворение! – она манерным жестом аккуратно взмахнула свободной от ножа рукой и положила в рот кусочек отбивной.

– Хорошо, мам, – почти шепотом ответил я.

– Дуглас, тебе все ясно? Пару дней продержишься без истерик? – прожевав, спросила она, разрезая остывшее мясо.

– Да.

– Вот и замечательно!

– Чуть не забыла! Джесси, и тебе надо подстричься. Ты сильно оброс.

– Не хочу мам. Только не это! Я – Джон Бон Джови! Его-то мама наверняка не заставляет стричься.

Мама предвзято посмотрела на меня.

– Эта сумасшедшая музыка плохо на вас влияет.

После ужина мы с братом помогли убрать на кухне. Дуглас помыл посуду, а я протер ее полотенцем. Эвелин расставила сервиз по местам в шкафы. Во время уборки никто не проронил ни слова, лишь мама напевала легкую мелодию, хотя скорее певуче ее мычала. Закончив, брат отправился в комнату. Эвелин же осталась в столовой, заварила себе травяной чай и села за стол с кулинарным блокнотом, в который она записывала свои любимые рецепты.

– Пап, что делаешь? – Спросил я, переступая порожек на входе в гараж.

Отец стоял перед открытым капотом с грязной тряпкой и смотрел на внутренности черной машины, размышляя. Всюду теснились пыльные ящики с инструментами, вещи для рыбалки, доски для мастерской, которые отец никак не повесит на стены, ведра и всякий разный хлам. Здесь царил полный бардак.

– Да, пытаюсь понять, почему двигатель тарахтит, сынок.

– Ясно, можешь помочь мне в одном деле? – я взглянул туда же, куда уставился отец, поднявшись на носочки.

– Конечно, что такое? Если ты насчет мамы, то не сердись на нее, она просто заботится о нас, хочет, чтобы все было идеально. Да еще и Джозеф приезжает завтра, она на нервах.

– Вообще я не об этом хотел спросить. Но раз уж зашла речь...

– Так?

– Почему мама нам не верит?

– Что вы ей рассказывали? Тебя это сильно расстроило? – отец склонился и с нажимом выкручивал гайки ключом.

– Мы с Дугласом рассказывали ей про того парня из школы – Джеймса Мерфи. Нам постоянно приходится от него отбиваться или убежать. Он и его друзья бьют Дугласа. Иногда и меня! – на последних словах отец серьезно посмотрел перед собой.

– Джесси, дорогой. Так бывает у ребятни. Наверное, они хотят с вами дружить, а вы их к себе в компанию не берете. Вот и злятся. Думаю, мама это понимает, вот и настаивает, чтобы Дуглас извинился.

– Пап, да это же глупости. Не хотят они с нами дружить. Они просто издеваются и мучают нас. Вы оба, как будто совсем не слышите!

– Джесси, я не знаю, чем тебе помочь. Раз так, то держитесь от них подальше.

Отец увлекся машиной, не поднимая головы в разговоре со мной. Он всегда казался доступным и учтивым. Казался. Вот сейчас он с тобой и внимательно тебя слушает, а в другую минуту ускользает безвозвратно. Это мучительно. Вроде бы есть надежда, что тебя поймут и выслушают, дадут хотя бы совет. Ждешь, что сейчас получишь помощь. Как вдруг остаешься со своей нерешаемой проблемой один на один.

– Пап, а тебя били в детстве ребята из школы? Пап? Ты слышишь меня?

– А? Что?

– Тебя били в детстве ребята из школы?

– Не припоминаю. Может, было пару раз. Я же рос на ферме. Да и другие дети тоже. Нам не до того было. Утром школа. Вечером работа.

– Разумеется. Откуда тогда тебе знать, как нам живется. На ферме у Брайна и Патриции – благодать, – пробормотал я себе под нос.

Непонятно, услышал меня он или нет. Генри промолчал.

Я стоял и смотрел, как он в очередной раз чинит то, что и так хорошо работает. Отец пару раз взглянул на меня. Я продолжал топтаться на месте. Если честно, то просто-напросто не знал, куда себя деть. Мне от него кое-что надо было. Но слова почему-то никак не складывались. Снова.

– Джесси? – спросил отец, будто я отвлекаю его от более важных дел. – Ты что-то еще хотел?

– Дашь свою рыболовную сеть? – отбарабанил я на выдохе, – Мы просто с Дугласом в лесу набрали на ручей и хотели сами попробовать поймать рыбу.

– Но в ручье вряд ли вы сможете выловить ее, надо идти к реке, а одних вас туда мы не отпустим, – сказал отстранено папа, с усилием елозя небольшим разводным ключом.

– Ну, дай, пожалуйста, мы просто хотим попробовать.

– Ладно, но будьте аккуратнее – не порвите. Я в выходные собирался на рыбалку.

– В выходные? А как же дедушка Джозеф? Ты же не оставишь нас с ним и мамой наедине?
– встревожено спросил я. Отец рассмеялся.

– Джесси, не переживай, Джозеф сам надолго не останется, ему неприятно находиться в нашем нищем на его взгляд доме дольше суток. Он уедет на следующий день. Может через два.

– Хм, хорошо, – с облегчением выговорил я, – Так, где взять сеть, пап?

– Вон в том ящике, – отец, не отнимая головы от работы, ткнул рукой себе за спину, – возьми ту, что поменьше – в большой вы запутаетесь.

Поковырявшись в барахле отца, я вытащил из ящика шершавый сверток.

– Спасибо, – проговорил я на узком порожке и вошел обратно в дом.

Мне не ответили.

Посмотрев на комок запутавшихся нитей, я просунул в них пальцы. Рассмотрел прочные зеленые переплетения и помчался к Дугласу. Хоть его обрадую.

– Хоп, хоп, хоп, – приговаривал я, вытаскивая из себя радость и воздушно взбегая по лестнице, ведущей на второй этаж, и перепрыгивая через несколько ступенек сразу.

Завернув за угол стены, я открыл дверь, остановившись на проходе, и ждал, когда Дуглас обратит на меня внимание. Брат читал очередной учебник, лежа поперек кровати, подпихнув под голову упругую подушку и вальяжно свесив ноги. Увидев меня краем глаза, он отвлекся и повернул ко мне одну лишь голову.

– Смотри, что у меня есть! – я вытащил из-за спины сеть и распустил ее вниз в вытянутой руке.

– Молодчина! – оживленно ответил мне брат, сев на край и отложив книгу. – Где взял?

– Выпросил у отца.

– Класс! – восторгался Дуглас, а я был доволен.

Он взял у меня из рук сеть, проверил, что нет дыр, и положил к себе в рюкзак. Я присел рядом с ним на его кровать.

– Так! Я все продумал. Значит, мы с тобой улизнем после уроков за здание школы и перелезем через забор, чтобы не показываться у ворот, тогда мы не столкнемся с Мерфи и Крэй. Пойдем к ручью через лес.

– Хорошо, – кивнул я. – Только у меня последним уроком физкультура, тебе придется подождать меня.

– Да-да! А когда придем домой, тихонько проберемся в комнату и переоденемся для деда, чтобы мама не ругалась. Наверняка мы перепачкаемся.

– А рыба? – Спросил я.

– Отцу отнесем в гараж, он оценит! – сам себе кивнул брат. Мыслей о том, что улов будет мизерный, не возникало.

– Здорово придумал.

– Да, – он меня уже не слышал, в голове у него эхом звучали ручей, сеть и рыба.

– Как же было бы здорово, если бы к нам снова пришла Лиса, – мечтательно произнес я сам себе.

– Тебе повезет, я уверен, – вырвавшись из своих предвкушающих мечтаний, ответил мне брат. – Главное, чтоб не мешала.

– Все же мне интересно, откуда взялась та странная девчонка, – ловил я момент, пока брат слушал меня. – Жаль, что ты ее не видел. Тогда бы ты не сомневался. У нее будто щеки разрезаны, – повторил то, что говорил по пути к дому, и показал на себе, раздвинув пальцами губы.

– Это нереально, может тень от веток легла на ее лицо, и, тебе показалось? – хмурился брат.

– Да нет же, – я раздосадовано поднял руки вверх, – Дуглас, пожалуйста, поверь мне.

– Ладно-ладно, – он поднял ладони. – Я верю. Если она снова появится, я не сведу с нее глаз. Договорились?

Тогда мы даже не подозревали, что обещание Дугласа сбудется. И мы едва ли не умрем.

– Хорошо, – слегка насупившись бросил я.

За окном под барабаны грома бушевал дождь. Молния подсвечивала сучья едва обросших деревьев под домом. Они были похожи на костлявые лапы чудищ. Дуглас зажег настольную лампу и выключил общий светильник в комнате. Заботился, чтоб я не пугался темноты. Про уроки и думать не хотелось, как-нибудь выкручусь. Мы собрали школьные вещи на завтра и стали готовиться ко сну. Дуглас проследил, чтобы я почистил зубы и умылся перед сном.

Расправив смятое одеяло, я уселся на подушку у изголовья кровати.

– Я выключаю свет? – спросил Дуглас.

– Пока не надо.

– Хочешь полистать комикс? Тот новый.

– Может быть.

– Дуглас, я должен тебе сказать. В общем, ты был прав.

– Ты о чем?

– Про то, что мама и папа никак не помогут и не спасут нас от Мерфи. Им вообще все равно. У нас есть только мы. Как тебе удастся справляться, после каждой стычки с родителями? Не представляю, что бы я делал, не будь тебя рядом.

Дуглас поджал губы и кивнул.

– Я рад, что у меня есть брат, – улыбнулся мне он. – Не расстраивайся, Джесси. Я привык, и ты привыкнешь. Порой мне даже приятно рассчитывать только на себя. – Старший брат лег к себе и укрылся. Он несколько мгновений посмотрел на потолок над собой и продолжил: – Хорошо, что мы дружны. Но у нас есть не только это. У меня есть я. А у тебя есть ты, Джесси. Мы всегда на самом деле одни, хоть и радуемся, когда другие замечают нас. В нашей голове живут только наши мысли, чужих там не будет.

В нашей комнате часто случались разговоры по душам перед сном. Но сегодня Дуглас был особенно откровенным.

– Звучит грустно.

– Может и так. Но только с такими мыслями я могу пережить, что я никому не нужен. Ну, кроме тебя, конечно! – резко вставил он. – Пока я знаю, что у меня есть я, мне никогда не быть одиноким.

– Дуглас, я не понимаю. Ты это к чему?

– К тому, что не стоит рассчитывать на маму и папу. Они не смогут нас понять. Может, они и хотели бы. Но вряд ли им это по силам.

– Я все равно не понимаю, как такие очевидные проблемы, как нападки Мерфи, мама и папа не могут понять.

– Смотри... – Дуглас вздохнул, он напрягся и думал, как получше мне объяснить, – Ну, помнишь северного кардинала? Он когда летит...

– Подожди, что за северный кардинал и почему он летит?

– Мы встречали его в лесу. Такая ярко-красная птица с хохолком на голове. Она похожа на дятла, но полностью красная – и брюшко и крылья.

– А да! Я еще рисовал ее сто раз.

– Так вот. Он сверху все видит. Лес, реку, нас. А змея внизу ползает, мышей там ищет... смотрит на грязь. И птица никогда не поймет, каково это — быть змеей. И наоборот.

– Так мама с папой птицы или змеи? – спросил я, задумавшись.

Дуглас рассмеялся.

– Не важно, кто они. Просто мы разные. Они другие. И не видят то, что видим мы.

– Никогда? Даже близко?

– Может и никогда.

Меня обуял страх. Как же это так – быть всегда одному? Мне это совсем не нравится. В душе стало холодно и сыро, будто сидишь в темной мокрой пещере. Трудно было сразу осознать слова Дугласа в полной мере. Он сказал логичные вещи, но принять их было нелегко. В своих раздумьях, я пытался нащупать якорь, которым можно зацепиться за собственное основание. Я повернулся лицом к кровати брата и засунул ладошку под приятно прохладную подушку.

– Давай спать. – Дуглас зевнул и поднялся с постели, чтобы выключить лампу на своем столе.

Молнии уже не сверкали. Гром не гремел. Дождь на улице убаюкивающе успокаивался.

Глава 4. Мировица

– Дуглас, ты какой-то задумчивый, – сказал я, когда мы проходили мимо черных, кованых ворот школы.

– Прости, Джесси, ты что-то спрашивал?

– Уже неважно. О чем ты думал?

– Ночью мне приснился сон. Он не дает мне покоя.

– О чем он?

– Ты, я и какое-то странное существо с большими кистями, – Дуглас поднял свою руку и задумчиво посмотрел на нее, растопырив пальцы: – У него были такие толстые пальцы.

– И что случилось?

– Мы пробирались по темной пещере. Ты шел сзади и, когда я резко остановился, то больно врезался мне в спину. Мы с тобой чуть не упали, но эти большие, теплые ладони нас подхватили. Потом случилось что-то плохое. И я никак не могу вспомнить что. Это-то меня и беспокоит.

– Сны ведь ничего не значат. Да?

– Если только не верить, что сны сбываются, – брат добродушно улыбнулся мне.

– А я не верю!

– Да что ты говоришь, – Дуглас расхохотался на весь школьный двор, обхватил меня за шею и притянул к себе. – Верить в чудеса классно, брат. Я вот не стесняюсь в них верить. И тебе не стоит.

Я закатил глаза.

– Еще скажи, что Санта-Клаус существует. Ха-ха-ха! – передразнивал я.

– Ну... – начал он, туго открывая тяжелую дверь в школу, за нами уже столпилось несколько человек, – В деда на летающих оленях я тоже не верю, но в другие чудеса – да. Почему нет?

Вчерашний дождь растопил остатки снега. На улице было слякотно и сыро. Зато потеплело. Мы прошли в холл. На полу скопилось много воды и грязных разводов. Подошва шлепала по месиву и немного скользила. До гардероба на серой, в мелкую крапинку плитке поблескивали мокрые следы.

– Например, во что ты веришь? – сощурился я, вешая куртку в раздевалке.

– Например, в странную девочку за кустом орешника, которую видел мой брат, – бросил он и цокнул языком. – Ладно, я пошел на историю. Уже опаздываем. Увидимся, Джесси.

Дуглас надел куртку на крючок и вышел. Не торопясь, я направился следом. Он уже повернул к левому, как он резко остановился, щелкнул два раза пальцами, будто что-то вспомнил, потом обернулся, нашел меня глазами и быстрым шагом двинулся ко мне. Убедившись, что нас никто не слушает, он тихо сказал:

– Чуть не забыл, хотел тебе напомнить! После уроков встречаемся подальше от ворот за толстой ивой, которая растет сбоку школы. По ней удобно перелезть через забор.

– Ты уже говорил вчера. Я не забыл.

– Я просто нервничаю немного. Плохое предчувствие.

– Да это все твой дурной сон. Все пройдет нормально. Подожди меня, пока я переоденусь после занятий на поле, и мы встретимся, где назначено. Хорошо?

– Конечно, я тебя дождусь, – сказал Дуглас, – Мы все равно увидимся за ланчем в столовой, если что-то изменится, я тебе скажу.

– Хорошо, до встречи, – бросил я и побежал в левое крыло, предназначенное для младших классов. Брат пошел в правое – для средних.

Я поднялся по лестнице на самый верхний этаж, двинулся по длинному коридору до упора и вошел в кабинет географии, где стоял гомон.

– Привет, Джесси Вуд! – увидев меня, закричал Гарри Дример с первой парты, которая стояла напротив меловой доски. Запрокинув голову и вытаращив преувеличенные толстыми стеклами гляделки, он поправил спадающие очки.

– Привет, Гарри, я начал читать твой комикс – он классный, мне очень понравился, – я кинул рюкзак на соседнюю парту.

Гарри Дример был чудной, неуклюже забавный и жутко умный. Мне он нравился. К тому же, я был его почти единственным приятелем в школе. Иногда он давал мне списать домашку. Несмотря на высокий рост и крепкие плечи, Гарри никому не внушал страха. Скорей даже выглядел жалким. Другие ребята постоянно потешались над ним, толкали в коридорах, отбирали очки и прятали его рюкзак.

– Эй, Джесси, – ко мне подошла Джессика Ридли, встав к Гарри спиной и прервав наш разговор о комиксах, – Пойдем с нами гулять после школы. Рик, Тайлер и Сью, тоже пойдут. – Она взмахнула своими светлыми, длинными до пояса волосами, поворотом головы указав в сторону ребят на задних партах. Тайлер Гарнер небрежно поднял руку, на что я кивнул.

Мы никогда раньше не дружили.

Гарри неловко стоял позади Джессики, почти дышал ей в волосы, ожидая продолжить нашу беседу.

– Фу, чудила отойди! – обернувшись к нему, завопила Джессика.

– Не могу, Джесс, мы с братом идем в лес после школы, – ответил ей я, также небрежно, как она осекла Гарри. Не так уж близко он и стоял.

– А можно с вами в лес? – спросила она, растянув блестящие розовые губки в улыбку.

– В другой раз, – кинул я, и, обойдя одноклассницу, подошел к парню.

– Зачем ты общаешься с ним? – безразлично кинула Джессика в сторону Гарри и вальяжно зашагала к Тайлеру.

– Ну как тебе «Голиаф»? – спросил я друга, встав, перед его партой.

– По сравнению с «Человеком пауком» – детский, но мне понравился, – улыбнулся он.

– Эй, ничего не детский, я сам копил на него по четвертаку, – возмутился я.

– Шучу-шучу, конечно, не детский, – отступил он.

Хотелось бы мне еще поболтать, но в класс вошел мистер Стивенсон, едва не задев лысеющей, седой макушкой верхушку дверного проема. От высокого роста, его спасала сутулость, что едва пряталась под пиджаком с широкими подплечниками, в общем, как и его худоба.

Монотонный и размеренный голос учителя указал всем сесть на свои места.

Урок, казалось, длился вечность. Гидросфера земли. Подземные воды. Глаза слипались. За окном ярко светило солнце, подсушивая лужи. Хотелось, поскорее отсидеть шесть уроков и отправиться к ручью. Рыбалка – это тебе и биология, и география. Все лучше, чем скучать в желтых кабинетах.

Гарри Дример, сидящий по соседству, спешно записывал все, что говорил мистер Стивенсон у доски, диктуя себе для удобства вслух слова: «Под-зем-ны-е сло-и». Остальные ребята за партами поблизости без интереса разглядывали картинки в учебнике. Машинально я оглянулся на Джессику, которая сидела в самом конце класса, в противоположном углу от меня, вместе с ее подружкой Сью и Тайлером с Риком, одними глазами она посмотрела на меня, шепнула Тайлеру и кивнула в мою сторону.

– На задних партах, что-то увлекательное рассказывают, мистер Вуд?

– Нет, сэр, – смутился я.

– Поинтереснее будет, чем география, – дерзко воскликнул Тайлер на весь кабинет.

– Окажись вы, мистер Гарнер, на необитаемом острове посреди океана, точно изменили бы свое мнение.

– Это еще почему? – напыщенно спросил Тайлер, раскачиваясь на стуле. Он ссутулил спину и с вызовом вытянул нижнюю челюсть.

– Потому что, если вы не знаете, где найти пресную воду, то умрете на острове от обезвоживания.

– У меня есть целый океан! – не понял иронии Тайлер и самодовольно улыбнулся, опустив локти на стол.

На его ответ весь класс рассмеялся. Но думаю, парень так и не понял, что смеялись не над его глупыми шутками, а над его банальным невежеством.

– В океане вода соленая, мистер Гарнер. Разве вы не знали? – учитель спокойным тоном подел ученика.

Тайлер умолк и со злостью кинул смятый комок бумаги в Гарри, который обернулся, как и весь класс, к шуту. Мистер Стивенсон, конечно, заставил Тайлера поднять бумажку. Но кто поднимет самооценку Гарри? Вспомнив вчерашний разговор с Дугласом перед сном, я задумался: «Каково это быть таким как Тайлер? Наверное, он точно змея! А Гарри? Он, наверное, хорек. Оба не летают».

Занятия текли долго и мучительно. После четвертого урока все ученики (кроме самых младших классов), отправились на ланч в столовую или на улицу, если хотели поесть на свежем воздухе.

Пряный запах корицы и теплых, сладких булок был слышен уже в коридорах по пути в столовую, где я подсел к брату: он с друзьями занял стол возле стеклянного буфета с пышной выпечкой. Жаль родители редко давали нам карманные деньги. Я бы с удовольствием попробовал все пироги, которые продавали здесь.

С Дугласом пришли Сидни Мун и Мейнард Хард – ребята на год старше брата, живущие недалеко от нашего дома на Ривер Драйв. С ними мы дружим с самого детства. Давным-давно, еще до начала школы, мы с Дугласом катались на детских велосипедах вдоль улицы. Взад – вперед. Туда – сюда. Доезжали от нашего дома до самого конца, где на углу стоял дом Мейнарда. Я и Дуглас проехали несколько раз мимо него, Мейнард и Сидни играли в его дворе. Мейнард выбежал на подъездную дорожку и окликнул нас. Попросил подождать. Он и Сидни взяли свои велосипеды, поваленные на газон, и поехали кататься вместе с нами.

– Как прошел урок у Вивиан, Дуглас? – спросил я, вытаскивая из рюкзака еду, сидя перед ним.

– Андерсен сказала, что надо готовиться лучше, – брат закатил глаза, – Ничего другого я и не ожидал.

– А ты ответил хорошо?

– Конечно, на отлично, весь вечер же учил вчера.

– Ты даже не стал с ней спорить?

– Стал, но она проигнорировала меня и вызвала Джейс следующей к доске.

– Как же она достала, – проворчал я, с хрустом откусывая морковь.

– Да, она та еще заноза, – ворвалась в разговор Сидни, – Мейнарда тоже не любит, – подсмеялась подруга и протянула руку через стол, чтобы потрясти друга за плечо.

– Что есть, то есть, – подтвердил Мейнард, подергивая худыми плечами от хохота.

Пока мы ели свой ланч, я искал глазами Мерфи и братьев Крэй за соседними столами, но не находил. Когда обернулся посмотреть, есть ли они где-то сзади, увидел всех четверых, включая Монику. Она и Уилл Крэй сидели ко мне спиной, а вот Такер и Джеймс сверлили меня взглядом, жуя вкусные булки из буфета. Я не собирался показывать им, что их пристальное внимание как-то пугает, так что подмигнул Джеймсу и отвернулся к брату и друзьям. Тут меня встретил злой взгляд Дугласа.

– Ты, прям, нарываешься, – шепотом, наклонившись ко мне, сказал брат, пока Сидни и Мейнард живо обсуждали конструирование машинок на радиоуправлении.

Сид мечтала собрать собственного робота, постоянно читала об этом научные журналы и грезилась попасть на соревнования по робототехнике. Если бы я никогда не был знаком с ней и встретил ее на улице, то ни за что на свете не поверил, что эта девчонка разбирается в электронике. Она выглядела сильно по-девчачьи для этого: длинные, русые волосы, ободки со стразами, натертые до блеска лаковые сапожки, и много-много розовой одежды. То ли дело Мейнард, тут бы я не промахнулся, он бы однозначно сошел за сумасшедшего ученого. Он много читает и всегда задумчив. При этом, по-моему, друг не знает, что такое расческа, Мейнард никогда не переодевает свой синий свитер и серую клетчатую рубашку. Как я понял, весь его мир сосредоточен у него в голове, остальное не важно.

– А чего они пялятся? – ответил я с недовольством.

– Ребята? – Сидни отвлеклась от разговора с Мейнардом.

– Все в порядке, Сид, – брат нежно ей улыбнулся.

– Уверен? – подруга вглядывалась с сероглазым прищуром в лицо Дугласа.

– Да, да, конечно, – смущенно отвернулся он.

«Какие-то они странные», – подметил про себя я.

– Мейнард, так ты сможешь попросить паяльник у отца? – вернулась к теме Сидни.

– Я смогу! – вызвался, Дуглас. – У отца в гараже полно инструментов!

– Ладно, – без энтузиазма сказал Мейнард, доедая яблоко.

– А когда? – с нетерпением воскликнула Сидни. – Могу я зайти к вам вечером?

– Вечером к нам приезжает бабушка, мама готовит ужин с размахом. Давай я сам тебе завтра его занесу домой?

– Хорошо, – на щеках Сид появились милые впадинки.

– Если хочешь, могу и помочь спаять микросхему? – неловко предложил брат.

Чего он раскраснелся как помидор?! Еще и глаза опускает, когда Сидни смотрит на него – я подозрительно обводил обоих взглядом.

– Ой, я с вами! Никогда еще ничего не плавил паяльником, это будет... эм... увлекательно! – ревностно встрял я.

Брат закатил глаза, а Мейнард хихикнул. Но я и Сид ничего не поняли и растерянно посмотрели на друзей за столом.

– Конечно, Джесси, приходи, – откликнулась подруга, на что я слегка злорадно расплылся в улыбке и подмигнул Дугласу.

Брат поджал губы к носу и недовольно постукивал пальцами по столу, поглядывая по сторонам. Внезапно его вниманием завладело нечто за моей спиной.

– Эй, Джесси, кажется, этот парень в красной кепке учится с тобой?

Я обернулся и увидел Тайлера Гарнера, стоящего рядом с Джеймсом Мерфи. Они перешептывались, поглядывая на нашу компанию. Джеймс одобрительно кивнул Тайлеру и тот ушел к столу, где сидели Джессика, Рик и Сью. Кажется, Тайлер хочет стать еще одним членом компании Мерфи. Он никогда мне не нравился. Тайлер чаще других обижал Гарри, устраивая ему противные пакости, остальные его друзья злорадно подхватывали идеи, потешаясь над бедным очкариком.

– Да, на географии его подруга Джессика подходила ко мне, чтобы позвать гулять после школы.

– Все ясно. В туалет один не заходи, Джесси, – нервно посоветовал мне Дуглас, – Понял? – беспокойно добавил он.

– У вас опять проблемы с Джеймсом? – с испугом спросил Мейнард.

– Немного, – вздохнув, протянул брат.

Сидни напряглась.

– Тебе надо быть осторожнее, Дуглас, – волновалась она.

– Это Мерфи надо быть осторожнее, – гордо добавил я, самодовольно улыбнувшись одним уголком губ, – Мы вчера задали ему такую-то трепку.

– Что произошло? – удивилась подруга.

– Джесси столкнул его вчера на ходу с велика возле школы. Джеймс упал и расплакался, но это не точно, мы слышали только всхлипы, а потом убежали, – вкратце рассказал Дуглас о наших вчерашних приключениях.

– Джесси, это не шутки, – злилась Сид. – Он и его дружки больные на всю голову. Мы-то знаем. У меня с Мейнардом с ним совпадает английский, на переменах он такое вытворяет... Бедные ребята... – Сидни посмотрела мне за спину и, пригнувшись ближе к нам, добавила на тон тише, – И что только Моника забыла с ними? А мы ведь дружили, пока она не переехала с Ривер-драйв на Сансет-стрит, где живет богатенький придурок Мерфи через дом от нее. Может, он запрещает ей с нами дружить? Они ведь парочка.

– Не знаю, – вздохнул брат. – Она просто ходит за ними везде и не отвечает, – равнодушно проговорил он.

– Парни, будьте осторожны, – повторила Сид, глядя сначала на меня, а потом на Дугласа. Брат положил руку на ее ладонь, что лежала на столе.

– Не переживай. Мы сегодня улизем из школы через лес. Ничего не случится.

Она сжала его пальцы в ответ.

– Удачи, друг, – с надеждой на лучший исход сказал Мейнард. – Если нужна помощь, зови.

– Да, все нормально! – отмахнулся брат.

Мы встали из-за стола, собрав мусор, оставшийся от съеденного ланча, выкинули его в бак за буфетом и разошлись по классам. Напоследок Дуглас еще раз напомнил, что встречаемся там же, где и договаривались.

Последней в расписании стояла физкультура на улице. Еще в раздевалке, пока натягивал штаны, Тайлер Гарнер и Рик Тернер поглядывали в мою сторону, перешептываясь. Уверен, их поведение непременно связано с уловками Джеймса Мерфи. На поле, когда начался урок, я и сам ненарочно стал следить за ними.

Тренер, Мистер Грин, выстроил класс в одну линию, мы размяли все косточки от пальцев рук до ступней и побежали по полю вдоль серых беговых дорожек. Я вошел в строй последним, чтобы хорошо видеть тех двоих. Они бежали парой на расстоянии три человека от меня и переговаривались, хотя бежать мы все должны были колонной один за другим. Тайлер несколько раз оглянулся. Искал меня глазами. Хотелось бы знать, о чем они говорят. Надо после урока немедленно идти на встречу с Дугласом.

Больше ничего интересного за время занятия не произошло. Прозвенел звонок, и, тренер нас отпустил. Забегая в школу, я не смог удержаться и обернулся, чтобы посмотреть идут ли за мной Тайлер и Рик. Они неспешно шагали к трибунам, под ними кто-то скрывался, но находясь на ступенях крыльца, трудно было разглядеть, кто там стоит. Я хмыкнул и двинулся внутрь здания за своими вещами.

Спустившись вниз по лестнице на нулевой этаж школы, из раздевалки я забрал рюкзак и сменил кроссовки на ботинки, а на первом этаже захватил ветровку из гардероба. Черная, стеганая куртка Дугласа исчезла. Значит, он уже на месте.

На выходе из школы, я придержал тяжелую, металлическую дверь, чтобы она не хлопнула. Спустившись по ступенькам, не останавливаясь, окинул глазами поле. Новые приятели Мерфи из моего класса ушли. Я завернул за угол, спрятавшись за толстым стволом ивы. Брата тут не оказалось. Где его носит?

Гибкие ветви ивы за годы, что здесь стоит школа, перекинулись через забор. По ним мы с Дугласом планировали перелезть и спрятаться в лесу. Похоже, я собрался слишком быстро, можно было и переодеться. Присев под деревом, я скупающе подпер подбородок и ждал.

Позади себя я слышал, как постоянно хлопает входная дверь. Ученики уходили домой. С каждым стуком я ждал, что сейчас он прокрадется сюда, но этого не происходило. «Вот же ж! Дуглас просто не мог второй день подряд уйти без меня», – выпалил я себе под нос.

Шум стих. Я решил, что дольше ждать, нет смысла. Перекинул сумку через забор и по широкой ветке перебрался на другую сторону, сползая по стеблям как по веревкам. Они стекали длинными, узкими листьями вдоль черных, железных прутьев. Спрыгнув на пятки, я тут же нырнул в лес.

Если бы Дуглас заметил, что где-то рядом ходят Мерфи и близнецы Крэй, он бы спрятался и ждал меня где-то рядом. Только сделав небольшой круг, я его не нашел. Вернулся обратно, выглянул из-за кустов. У ивы все еще никого. Я скинул с одного плеча рюкзак и сильно ударил по нему черным ботинком. Все это меня злило. Куда идти и что делать? К ручью. Надо двигаться к ручью.

Я шел и шел по влажной земле после вчерашнего дождя, пиная шишки. Если бы весь лес не укрывали длинные иголки сосен, под ногами бы расползлось грязевое болото.

Перешагивая через поваленное бревно, покрытое мокрым, зеленым мхом, с наростами белых поганок, я заметил впереди старый, двустольный дуб, за которым мы вчера прятались. «Он точно там», – с надеждой подумал я и нетерпеливо ускорил шаг.

Дерево приближалось, увеличиваясь в глазах. Между двумя стволами замелькала черная куртка. Она то и дело отлетала из стороны в сторону. Крики. Снова знакомые голоса. И страх. Замедлившись, я свернул от дуба и спрятался в кустистых зарослях.

Мерфи и Ульям толкали Дугласа. К ним подключился Такер, со спины врезавшись руками в ребра моего брата. Он споткнулся о выступающие корни и упал на колени. Рядом стояли Тайлер и Рик, засунув руки в карманы спортивных штанов. Они с наслаждением смотрели. Моника поодаль облокотилась спиной о дерево и сучающе ковырялась в ногтях.

Над Дугласом, пока он пытался подняться на трясущихся ногах, склонился Такер и в затылок с весельем крикнул ему:

– Эй, недоумок, а где твой братец? Мы и с ним хотим пообщаться... – загоготал тот, посмотрев на каркающего от смеха Уилла, который стоял напротив Джеймса, уперев кулаки в бока.

По моему телу разошлась дрожь. Я хотел подбежать туда и начать драться с каждым, но мое тело оцепенело, я не мог пошевелиться.

Дуглас вскочил с земли и, развернувшись, врезал кулаком по раскрытой челюсти Такера.

– Мой брат тут не при чем! – голос его сорвался на крик. – Хочешь поговорить – говори со мной!

Такер дернул головой. Зубы щелкнули. Приложив руку к щеке, гаденыш зашипел:

– Я язык прикусил! Убью тебя, уродец!

Брат опустил руки и сжал кулаки.

«Это я должен там быть сейчас, а не Дуглас», – жалостливая и виновная мысль вцепилась в горло.

– Так и поступим! – негромко, спокойным тоном произнес Мерфи.

Дуглас только успел повернуть голову в сторону Джеймса, когда тот уже замахивался. Мерфи ударил брата, пока тот даже не видел его. Он пошатнулся, схватился одной рукой за нос, а второй ловил равновесие. Джеймс Мерфи вцепился в шею Дугласа и упорно давил вперед. Брат сопротивлялся, сомкнув ладони на тонкой, рябой руке Джеймса, но пресловутые, толстые корни ставили ему подножки. Дуглас завалился на спину между толстых корневищ. Твердая почва выбила из него воздух. Капельки крови из носа брызнули вверх, испачкав рыжее лицо Джеймса. Тот сел сверху Дугласа и вытер рукавом пальто щеки и лоб. Мой старший брат брыкался и пытался вырваться, повалив парня на бок, как проделывал это со мной. Заметив,

что у него получается, Уилл и Такер наступили брату на колени, прижав их к мокрой земле. Перестав шататься, сидя на Дугласе, Мерфи ударил его по лицу снова.

– Ты жалкий трус! – откашлявшись, брат выплюнул кровь в Джеймса.

«Такой же, как и я», – грустно думалось мне. Я весь нервно дергался. Закрыв лицо руками, я прерывисто втягивал носом сопли.

– Сейчас мы узнаем, кто из нас жалкий, – склонившись в дюйме от носа Дугласа, процедил Джеймс, дважды унизительно шлепнув ему по щеке.

Он ударил снова. И снова. Конечности Дугласа ослаблено улеглись по бокам.

– Джеймс, если ты так продолжишь, у нас будут проблемы, – осторожно подбирался Уилл к разъяренному приятелю. Джеймс остановился и смахнул тыльной стороной ладони пот под челкой. Его рыжие кудри выбились из копны. Он с облегчением встал, глубоко дыша.

– Заканчивайте с ним, – бросил Джеймс Уиллу. – Отпинайте как следует! – нагло приказал он, глядя на свои руки со стесанными костяшками.

– Джеймс, может, достаточно? – зашебетала напуганная Моника.

– О нет, он получает то, что заслужил, Мон, – ухмыльнулся Джеймс.

Я со страхом вглядывался в одного, второго, третьего, четвертого и пятого – всех, кто сейчас стоял возле недвижимого Дугласа. Рик и Тайлер посмотрели друг на друга и поджали плечи к ушам. Они, не вытаскивая рук из карманов, засеменили к лежащему на земле брату.

Уилл поднял подбородок и смачно потянул воздух, булькая носом. Он кашлянул и сплюнул в траву. А Такер облизнул разбитую губу. Братья раздвинули локти, ссутулились и гордо шагнули к Рикку и Тайлеру, что радостно нависли над Дугласом и молотили его ногами.

Колени подогнулись, я упал на острые сосновые иголки и грязные листья.

«Это я виноват, это я виноват», – шептал я, не дыша и чувствуя себя до крохотности маленьким и слабым.

А Дуглас тем временем повернулся на бок и стонал от каждого удара, прикрывая голову.

– Вот теперь достаточно! – скомандовал Джеймс.

Сердце ударило в грудь изнутри. Я смог вздохнуть и взглянуть туда сквозь пальцы, что закрывали лицо.

Они остановились и немного расступились. Дуглас перевернулся на живот и мычал от боли.

– Ты шушера, червяк, которого я раздавлю! Ты грязь! – с отчаянной злостью цедил Джеймс, присев на корточки над головой брата, наклонив голову на бок.

Тайлер захохотал, сложив руки по бокам. Рыжий парень властно взглянул на него. Тот умолк.

– Я хочу, чтобы ты сказал это, – обратился Мерфи к Дугласу.

Брат лежал молча, уткнувшись лбом в корень. Джеймс схватил его за короткие волосы и заглянул ему в глаза:

– Скажи, Вуд, кто ты?

– Катись... – хрипло выдавил из себя Дуглас и закашлялся.

«Нет – нет – нет, пожалуйста, не надо», – я прикрыл руками рот и не моргал.

Мерфи с силой пихнул его в затылок и встал во весь рост.

– Джеймс, хватит! Он всего лишь малолетка! Это чересчур! – неожиданно вступилась Моника. Она оттолкнулась от ствола, сделала крохотный шаг вперед. Ее руки сложились на груди, как у игрушечного зайчика. На губах повис оборванный крик.

– Умолкни!

Он расстегнул ширинку и помочился на спину моего брата. Уилл и Такер засвистели и запрыгали на месте. Тайлер и Рик рассмеялись, согнувшись пополам.

Их смех звучал фальшиво.

– Ха-ха-ха, теперь он точно грязь, – весело крикнули близнецы Крэй.

– Пойдем! – Махнул головой главарь, закинув руку на плечи Монике, и поцеловал ее в висок. Он зашагал с подругой, напыщенно расправив плечи, обходя старый двуствольный дуб. Уилл и Такер последовали за ним. Напоследок близнецы жирно сморкнулись на неподвижного Дугласа. Поддавшись их примеру, Тайлер и Рик сделали то же самое, скрывшись в лесу с приятелями.

Лес был все тот же. Пели птицы и шумели листья. Пахло хвоей и распускающейся листвой. На руках высохли мои бессильные слезы. Я сидел в кустах, не в состоянии отыскать испарившуюся храбрость и выйти к брату, который лежал на земле, прикрыв голову руками. Он не плакал, я бы услышал. Можно ли умереть от поглощающего сочувствия, стыда и боли одновременно? До ужаса страшно представить, что сейчас чувствует Дуглас. До ужаса...

Мои большие пальцы гладили шершавый листочек. Спортивные штаны на коленках пропитались влагой. Гудела голова и чесались глаза, внутри было гадко. Я старался не думать, потому что, когда начинал крутить мысли, все они шептали: «Ты виноват! Ты виноват! Ты виноват!..»

Если бы я не столкнул Мерфи с велика, все было бы по-другому. Правда ведь, было бы?

Вокруг, как будто стало темнее. Густой лес не хотел пропускать солнце. Все мое бахвальство оказалось незрелым, раздутым.

Дуглас привстал на локтях, резко схватившись за ребра. Он дополз до основания двуствольного дуба, опираясь одной рукой о корни, сел и откинулся спиной на широкий ствол. Его лицо, перепачканное в собственной крови, скривилось от боли. Один глаз заплыл, на скуле отпечатались большой синяк, сильно распухла верхняя губа, на которой засохла красная корочка. Он сплюнул густую, бордовую слюну рядом с собой и посмотрел на небо.

Сквозь густые ветви древних деревьев, виднелись голубые просторы, такие безмятежные и ясные, точно сверху растянули купол из брезента. Он казался слишком большим и тяжелым.

Брат поднялся, держась за дерево. Он крайне медленно наклонился и взял свой рюкзак, повесив его на одно плечо и приложив руку к ребрам. Дуглас шатко побрел вглубь леса.

Глаза чесались. Я протер лицо, схватил свои вещи и бесшумно пошел за Дугласом на одеревеневших ногах, так чтобы он меня не заметил.

Если сейчас кто-нибудь на меня посмотрит, ему будет интересно знать, кем являюсь я? И каково это – быть мной? Наверное, я трусливый заяц. Сразу стало больно. Не сейчас. Не сейчас.

Идти пришлось медленно. Дойдя до оврага, брат начал топтаться по крутому склону, его колени подкосились, он плюхнулся на задницу и сполз вниз по мокрой листве, оставив за собой длинный земляной след. Упал. Застонал.

Прислушиваясь, я подождал, пока он встанет. Шаг, шаг-шаг, шаг. Иголки и листья шуршали под шарканьем его ботинок. Ухватившись за ствол молодого дерева и ветки кустов, я тихонько спустился в низину. Сначала постоял на месте. Дождавшись, пока черная спина брата отдалится, я медленно направился по знакомой дороге, ведущей к поляне у ручья. Отросшие волосы спадали на лицо, пряча глаза. Я не смел поднять голову и посмотреть прямо. В кулаке был зажат зеленый листочек. Просто так.

Как и раньше, ближе к поляне стены оврага уменьшались. Я ухватился за земляной край рукой и стыдливо высунул голову. Ручей шумел сильнее, чем обычно. Вода переливалась на солнце. После ночного дождя каменное ложе переполнилось, вот-вот прольется. Дуглас сидел на берегу и доставал из рюкзака сеть. Грязный, мокрый, с лепешками земли на волосах. Он развернулся. Искал глазами что-то позади себя.

Я спрятался обратно. Через минуту высунулся – брат изможденно забивал большим камнем, который еле помещался у него в руке, колышки из толстых веток. Сначала он вбил один, потом – другой. Он снова обернулся, но я уже не скрывался. Дуглас с трудом поднялся на ноги и пошел к нашей будке, взял мешок с сокровищами, вытащив из него бечевку, сел у воды. Он расправил сеть и бросил ее в ручей, привязав к забитым деревяшкам.

Дуглас сидел спиной ко мне на берегу, согнув ноги и обхватив их руками. Я скрытно вышел из-за земляной стены, прислонившись рюкзаком к ее краю и смотрел то на воду, то на него.

– Долго будешь там стоять? – чуть обернувшись, сказал он.

– Нет, – ответил еле слышно и направился к нему.

Скинув рюкзак с плеч, я уселся рядом на холодную каменистую землю. Меня обдало влажной свежестью. Дышать стало на капельку легче.

– Дуглас... – начал я: – Я ждал под ивой, но тебя не было, – замолчал и продолжил: – Потом пошел тебя искать.

– И нашел, – глядя на свои запачканные, рыжие ботинки подметил брат.

– Да, – ответил я на выдохе.

– Хорошо.

– Дуглас... – я не мог выдавить из себя признание в том, что я все видел и не пришел к нему на помощь.

– Все нормально.

– Но я хочу, чтобы ты знал...

Дуглас не дал мне закончить:

– Я сказал. Оставь.

И я замолчал, снова разглаживая листочек большими пальцами.

Прошло несколько мучительных минут, прежде чем он заговорил.

– Джесси? – он повернул голову ко мне. И я встретил его глаза, его лицо, его раны слишком близко.

– М? – грустно промычал я.

– Знаешь, мне так сильно хочется, чтобы я перестал чувствовать. Лучше уж так, чем постоянно мучиться.

– Мне жаль, Дуглас, так жаль! – с примесью собственной виновности каялся я.

– Все нормально, Джесси! Жалеть надо о том, чего не сделал. Я не был сильным, но обязательно им стану, – подавленно говорил старший брат. – Надо просто быть хладнокровным. Когда ничего не чувствуешь, ты недосыгаем, – закончил свою мысль Дуглас на длинном бессиленном выдохе.

Пытаясь себя презрением и жалостью, я сокрушенно смотрел на брата. Тот отвернулся и наблюдал за сетью, изящно танцующей в воде. Он округлил спину и сидел неподвижно. Дуглас смотрел вглубь себя. Невыносимо тяжело переживать такое, когда бессильно терпишь жестокую злость других. Я должен был помочь ему, или хотя бы разделить его боль, а не отсиживаться в кустах, как трусливый цыпленок. Дуглас прав. Не все чувства нам нужны. Мне надо гнать страх подальше от себя, он мне не нужен. Только мешает. Делает меня трусом. А я им быть не хочу.

Ветер колыхал устойчивые клены над ручьем. Деревья обросли листочками. Лес расцвёл. На самой высокой ветке сидела серая каролинская синица. Луч солнца светил на нее точно прожектор, когда та чирикала свою песню. Почему лес остается столь прекрасен, когда на душе склизко и противно? Я пытался найти хоть одно подтверждение уродливости произошедшего. Неужели мир не видит, насколько это ужасно, невыносимо? Или я ошибаюсь? Мир, ты слышишь меня? Прекрати это! Я молился в душе. Затуманенными глазами, я не мог разглядеть красоту в безобразном, да и многим ли это под силу.

Дуглас опустил, поникши, голову. Брат сильнее поджал ноги и накинул капюшон.

– Я всего лишь хотел найти свою рогатку... – лепетал он неповоротливым языком. – Дошел до дуба, а потом... – сорвался первый всхлип, он шмыгнул носом – ...произошло то, что произошло.

– Если бы я знал... – мучительное вранье сорвалось с губ.

Он опустил лоб на колени, его тельце судорожно затряслось, скрывая звуки внутренней пытки под курткой. Я не мог, просто не мог выдержать его боли. Чего добивался Джеймс? Опозорить моего брата? Сломать его? Не бывать этому! Я не позволю. Душа ныла за старшего брата, карабкаясь из бездны по скользким кирпичикам.

– Эй, братишка. Не раскисай. Мы еще поквитаемся с Мерфи, – я подвинулся к Дугласу и положил ухо на его плечо.

Молчание. Я решил его не трогать, дать успокоиться. Он еще долго стонал себя. Ручей катился вокруг камней, забирая с собой слезы брата. Вода как время смывает все наружное, оставляя только следы прошлого. Я бездвижно, стараясь не издать ни единого шороха, смотрел на течение ручья, прижавшись к трясущемуся плечу брата. Мне показалось, поток воды ускользнул и ускорился. Подул ветерок. Листья как оркестр зашелестели. Мои волосы взметнулись вверх и упали на глаза.

Дуглас выглянул из капюшона и пустыми глазами смотрел в одну точку перед собой. Я периодически поглядывал на него. Ждал, когда отпрянет. Трудно было подобрать нужные слова, но мне хотелось, чтобы он сейчас не был один, даже в своей голове.

На другом берегу ручья, цепко держась маленькими лапками, пробежала белка сверху вниз по сосне, в ствол которой Дуглас накануне бросал камни, и прыгнула в орешник. Рано она там орехи решила поискать, они созреют только к сентябрю. Еще половина весны и лето впереди. Белка прошуршала в ветках куста и соскочила на землю. Мелкими быстрыми перебежками она устремилась к ручью. Села у воды и, зачерпнув капельку, умыла мордочку.

– Жаль Лиса не пришла, – хрипло сказал Дуглас, пытаясь разрушить отчаяние, повисшее над нами. Его лицо покраснелось. Нос не дышал. Верхняя губа распухла еще больше.

– Да уж, я и забыл про нее, – ответил я, устремив глаза в лес, выискивая косматый орешник.

– Мне напомнила о ней эта белка и ее пушистый хвост.

– Да. Им и укрыться можно.

– Это точно.

Белка махнула мохнатым украшением и убежала в лес. Вскарabкалась по сосне и перепрыгнула на зеленую ель, скрывшись из вида.

– Дуглас, можно тебя спросить?

– Спрашивай.

– Ты ведь не сдашься? Не позволишь себя шпынять этому... – я не нашелся, как обозвать Мерфи, да и в целом, было ясно, кого я имею в виду.

Дуглас грустно усмехнулся:

– Не собирался.

– Тебя ведь не сломать, да? Ты же всегда будешь моим самым лучшим, самым смелым старшим братом?

На мои сверхожидания Дуглас провел рукой по лицу и тяжело вздохнул.

– Буду, – брат взглянул на меня, выдавив улыбку – Поломанные, но не сломленные...

Он наклонил голову и безнадежно покачал ею.

В его глазах тлел слабый огонек воли. Сколько капель нужно, чтобы потушить его окончательно? И сколько силы духа нужно, чтобы его не просто сохранить, но разжечь жарко, ярко и несгибаемо? Порой огонь в сердце такой сильный, и цистерны воды будет мало, сколько не подливай, были бы только дрова для костра. А где их взять? Где найти ту основу, что даст вечную устойчивость?

За возвышенностью, с которой стекал ручей, донесся шум. Я прислушался, всматриваясь в горку. Дуглас, тоже заметил. Звук волной приближался и нарастал. Мы поднялись на ноги и подошли ближе к холмику: громче – громче – громче. Я непонимающе взглянул на Дугласа.

– Что это?

– Не знаю, похоже на шум воды.

- Откуда ему взяться? Из-за дождя река переполнилась?
- Возможно, – Дуглас неуверенно качнул плечами.
- Давай заберемся на горку и посмотрим? Отсюда ничего не видать.
- Сходи ты, крикнешь, что там. У меня все болит.
- Конечно, – я с жалостью посмотрел на брата.

Он отвел глаза. Ему было трудно терпеть слабость.

Я пошел к самой низкой части земляных стен, окружающих поляну, напрямик за будкой. Вскарabкался, испачкав в грязи руки и ботинки. Вытер ладошки о ближайший ствол дерева и подошел к клену, встав на горку над Дугласом, где спускался поток воды к поляне.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил брат.

Я проследил за полосой ручья в обратном направлении. Его края изгибами шли по бугристой равнине. Ширина ручья расширялась и сужалась. То, что могло надвигаться на нас, не показывалось.

Шум нарастал.

- Пока ничего. За деревьями и буграми не видно.
- Точно?
- Секунду, я пройду подальше, посмотрю.

Обогнув клен, я побежал вперед. Рядом расположился высокий холм. Сверху всегда виднее. Ботинки шлепали и утопали в жиже под прошлогодней, выцветшей травой. Иногда под подошвой хрустели скромные остатки снега. Пока холм возвышался мягко и плавно, я мог передвигать ноги быстрым шагом. У макушки приходилось сильно наклоняться, прикладываясь руками к сырой почве, чтобы удержать равновесие, и расставлять в стороны мысы. Возбравшись, я немного запыхался. Идти дальше я не стал. Сел на корточки и решил с минуту подождать.

Над головой пролетела стрела из птиц и опустилась на качающиеся кроны гибких, колючих столбов. Ручей огибал холм подо мной, тянулся через лысое поле и широкий пригорок к лесу, который виднелся вдалеке. Сквозь сосны и ели, перемешанные с только что оперившимися кленами и дубами, шум воды все нарастал и нарастал, так и не показываясь впереди.

Я ощущал надвигающуюся разрядку любопытства. Вот-вот. И... Невероятно. Огромный водяной клубок, стремительно вынырнул из-за леса, укрылся за бугром и снова появился. Издалека он казался просто серым. А вблизи под ним бурлила белая пена. Серые, синие и голубоватые полосы закручивали в себя палочки, прошлогоднюю листву и мелкие камешки.

Шар раскручивался по течению ручья и стремился к холму, где я остановился, а дальше к нашей поляне.

Ошеломленный я бросился наутек к брату. Носок стопы соскользнул по склону, руки подались вперед, прочертив две линии по земле. Воздух гулко вышел из груди. Под водолазку затекла холодная вода вперемешку с грязью. Коленка здорово приложилась о торчащий камень. Я встал на четвереньки головой вниз, потер основанием ладошки ушиб. Нога хромала. Уже аккуратнее и медленнее я боком двигался с холма, проезжая пятками по тающим, тончайшим полоскам льда. Наконец я спустился. Ринулся к Дугласу. Волна была совсем рядом, бурлила на краешках ушей. Скорей! Скорей!

Я пробежал мимо клена и прыгнул вниз у будки.

- Дуглас! – закричал я, задыхаясь. – Там... Там... – я не знал, как обозвать, то, что видел.
- Что там? – нетерпеливо спрашивал он, подойдя ближе. Брат согнул спину и держал руку на ребрах.

– Там такая ... большая... – я расставил прямые руки в стороны и провел ими круг, – ... огромный ком воды. Несется сюда. Прямо на нас.

Из-за горки взорвался брызгами размашистый поток и понесся вниз. Наплыв течения заставил ручей бушевать, разливаясь по камням на берегу. Округлив глаза, мы заворожено смотрели на воду, провожая ее взглядом. Шум не стихал.

– Сеть! – крикнул Дуглас, и двинулся к кольшкам.

Он оступился и вскрикнул, сильнее наклонившись, поморщился, но бежать не перестал.

Веревка не выдержала напора волн и соскользнула с деревяшек, воткнутых в землю. Дуглас не успел схватить ее.

Быстрые, спутанные дорожки отталкивались от камней, закручивая ловушку для рыбы. Брат ступил ботинками в ручей, схватил палку с земли и пытался подцепить тонким концом сеть.

– Я сейчас – сейчас, – тараторил я, мечась на месте.

Оглядевшись по сторонам, я нашел неподалеку куст. Брат зашел в воду по бедро, когда я рванул к нему с длинным суком в руке. Сеть уходила от Дугласа все дальше и дальше. Шаг за шагом он залезал в воду все глубже. За холмом послышался тот же шум только стремительнее и мощнее.

– Дуглас, еще одна, – испуганно завопил я.

– А? Что? – не расслышал он.

– Дуглас, уходи оттуда! – Кричал я на бегу.

Вдруг еще одна непостижимая, водная громадина выскочила из-за пригорка, подбросив вверх толстое бревно. Волна покатила его напрямик на Дугласа. Ручей превратился в могущественного водного кита, который снес брата и потащил по плетневому течению. Я побежал по берегу, выхватывая глазами черную куртку. Брат опускался под воду, беспорядочно греб руками, выныривал, хватая ртом воздух.

Мой путь перегородили густые и высокие колючие кусты барбариса, вынуждая прыгнуть в ледяную воду.

Разбежавшись, я отпружинил от земли, стараясь ухватиться за качающееся на волнах деревце, которое подталкивало ослабленного Дугласа в спину. Меня шлепнуло о воду животом. Левая рука успела обвить мокрую деревяшку, а правая вцепилась пальцами в куртку брата. Подтянув его к себе, я помог ему взяться рукой за бревно. Держась за плот, мы пытались выбраться на берег, упираясь ногами в камни на дне ручья. Тщетно. Нас снова и снова накрывало с головой вихрями штормовой воды, взявшимися из ниоткуда, затягивая в пасть разбушевавшейся стихии тягучим круговоротом.

Вынырнув, я успел впустить в себя крупицу воздуха и открыть глаза. Мы неслись в невесомости бесконечно-голубых потоков. Они переплетались между собой, закручиваясь в крепкие узлы. Вокруг не было ни леса, ни неба, ни земли.

Отдавшись судьбе, я соскользнул с бревна и ушел вглубь течения. Бревно вырвалось, исчезнув в толще воды. Дуглас с силой потянул меня к себе. Мы крепко стиснули ладони. Течение крутило нас, отбрасывая друг от друга. Я чувствовал, что, несмотря на все усилия, руки разжимались.

Наши тела обреченно пронеслись по огромным, склизким камням вместе со всевластным потоком. Успев сделать глубокий вдох, я и Дуглас сорвались с обрыва в водную чашу, окруженную белым туманом.

Мне казалось, я тону. Пошевелив пальцами, я не ощутил цепкого хвата брата, лишь прохлада просачивалась сквозь них и поглаживала меня по коже.

«Когда он отпустил мою руку?» – словно во сне спросил себя, выпустив шальные пузыри воздуха изо рта.

Пробивающиеся яркие лучи солнца освещали прозрачную реку белым светом. Бурлящие столпы воды разбивались о гигантские подводные валуны, отбрасывая меня к суше. У поверх-

ности сменяли ноги брата. Прижав одну руку к животу, а другую – вытянув перед собой, он плыл вверх. Я потянулся за ним и из последних сил вынырнул на воздух, хватая ртом жизнь. Перевернувшись на спины, мы добрались до берега и обессилено разлеглись на каменистой россыпи.

Глава 5. Ведьма

В спину врезались острые камни. Поблизости шумел водопад, словно антенна телевизора не могла поймать нужный канал, поедая остальные звуки того места, где мы оказались. Я лежал, раскинув руки и ноги, и чувствовал, как высоко вздымается грудь. Под куртку волнами забегала ледяная вода. Если бы не холод, который наплывом каждый раз обжигал кожу, я бы уснул. Сердце бешено стучало от волнения и облегчения, что нам с братом удалось выбраться из сумасшедшего течения и не утонуть. В моей руке лежали расслабленные пальцы Дугласа. Я взял его за ладонку сразу, как мы выплыли из реки. Так спокойнее.

– Джесси, ты живой? – голос Дугласа просочился сквозь пелену.

Пришлось сначала пошевелить неподъемными конечностями, чтоб убедиться в своей целостности.

– Кажется, да, а ты? – донеслась до меня собственная хрипота.

Резкие лучи били в глаза. Даже сомкнув веки, приходилось болезненно щуриться.

– Я цел, только ребра болят, – вяло произнес он, лежа в воде, как и я.

Выпустив внутренний скрип, Дуглас перевернулся со спины и, качнувшись, встал на четвереньки.

– Ниагарский водопад, ей богу, – возмущенно шептал я. – Не помню, чтобы в нашей округе было что-то подобное этому.

– Нам крупно повезло, что мы вообще остались целы! – Дуглас медленно поднимался.

– Где мы?

– Хотел бы я тоже это знать... – растерянно взмолился брат. – Вся одежда мокрая. Если мы не выйдем к шоссе до вечера, то всю ночь проведем в лесу и околеем. Хорошо хоть сейчас греет солнце.

– Мама нас убьет!

– Это точно, – подтвердил Дуглас. – Жаль только, что она будет сердиться из-за грязных штанов, а не потому, что беспокоилась за нас.

– Ты преувеличиваешь...

– Как бы не преуменьшаю...

Тело ныло. Я козырьком прислонил пальцы к бровям, уклоняясь от яркого света, и взглянул на Дугласа. Он стоял на двух шатающихся булыжниках. Осторожно, жалея свои ушибы, брат стягивал с себя куртку и отжимал из нее воду. Река смыла грязь и кровь с его лица, но опухшие бровь и губа никуда не делись, как и синяк.

– Вставай уже, вода ледяная. У тебя губы фиолетовые. Надо отжать одежду и искать путь домой... – коверкая буквы, говорил он.

– Для меня уже не холодная. Я с водопада упал. Можно быть и учтивее, – ответил я, усевшись.

– Джесси, я тоже, шевелись уже! Ноешь как маленький.

– Опять ты начинаешь?

– Ладно, прости. Я беспокоюсь. Тебе помочь встать?

– Сам справлюсь, тебе еще хуже, чем мне, – буркнул я, пытаюсь поймать равновесие. Брат напряженно покосился на меня. Я так и не понял за все разговоры, догадался ли Дуглас, что я видел, как его избili или нет.

Цепляясь пальцами за острые края камней, я вылез на берег и устроился на земле, прижав густо торчавшие прутики высокой травы и колосющихся сорняков. Здесь стояли такие же сосны, ели, клены, дубы, как везде. Лес как лес. Густой и зеленый. Только как будто более здоровый и цветущий. Возле меня рос невысокий колючий куст. Его шипы покрывала плотная белая паутина. Пригляделся. Вот он. Длинноногий. Черный. Размером с подушечку большого

пальца. Высасывает муху. По всему кусту висели куколки насекомых. Вроде бы и жалко их, а пауку тоже есть надо. «Жаль паука, он видит только смерть и пыль на кустах», – подумал я. А Дуглас? Поймет ли он, какого было мне, когда я спрятался и не пришел к нему на помощь?

– Джесси, лови! – брат подкинул мне узел из отжатым куртки.

Я положил сверток рядом с собой и поставил руки за спиной, вытянув уставшие ноги вперед.

Дуглас стоял неподалеку по щиколотку в воде. Перед нами непробиваемой стеной около двадцати пяти футов в высоту водрузилась отвесная каменная скала, покрытая яркими линиями из зеленого мха. Над ее краем нависли дымкой облачка. Из вмятого изгиба в сером камне сильным потоком стекал массив воды, продолжаясь в спокойной широкой реке. Ее гладь искрилась белыми отблесками под солнцем, ослепляя искрами глаза.

Брат опустил руки на бока. Размышлял. На нем колом повис легкий бордовый свитер. Короткие светлые волосы прилипли к голове. Под солнцем они казались совсем прозрачными.

Я потихоньку стянул с себя куртку и водолазку. Кожа покрылась мурашками. Двигаться совсем не хотелось. Отжал воду под колючий куст с паучьей сетью и расправил, одежду по траве, чтобы она подсохла. На мне остались спортивные штаны и ботинки. С мокрых завитков темно-русых волос, стекали холодные капли, падая на спину. Каждый раз, когда они попадали на кожу, подбородок заходил в тряске.

– Красиво тут! – крикнул мне Дуглас, разворачиваясь к берегу.

– Да-а, – протянул я, – вид завораживает.

– Далеко нас не могло унести. Надеюсь, мы не заблудимся в лесу.

– Наши рюкзаки должны были остаться у ручья. Я говорил отцу, что мы пойдем с сетью ловить рыбу. Если они их найдут, то, может, поймут, где искать.

– Просто ждать без толку! Надо самим выбираться.

Дуглас ухватился рукой за высокий камень и с перекошенным лицом поднялся на берег.

– Сильно болит? – жалостливо пролепетал я.

– Как говорит бабушка Патриция: «До свадьбы заживет», – ответил он угрюмо.

– А на ком это ты собрался жениться? Не на Сидни случайно? – С ехидным подозрением спросил я.

– Отстань! – буркнул Дуглас, раскрасневшись. Брат отвел взгляд в сторону, нарочно делая равнодушный вид. С синяком и заплывшим глазом это выглядело еще более нелепо, чем могло бы без них.

– Ладно-ладно, не кипятись, – сдавался я, сдерживая ухмылку.

– Здесь подозрительно теплее. И лес густо зарос, трава по колено! Не то, что у нас возле дома – все только распускается, – переводил тему Дуглас, перешагивая одежду. – Я пойду, осмотрю, ты пока побудь на месте.

– Хорошо, – сказал я, подвинувшись руками к солнцу из-под тени ветвей.

Я был бы не прочь отдохнуть. В голове промелькнули мечты. Как бы хотелось оказаться в кровати с мягкой подушкой и теплым одеялом. Дуглас медленно отдалялся. И правда, все зелено, как летом. Незнакомые мне низкие деревья вдоль берега были усыпаны белыми цветками. Я прислушался, как свирелью чирикают птицы.

Лег на колкую подушку из травы, прикрыл тяжелые веки и обнял себя руками, пытаюсь согреться. Пальцы в ботинках совсем размякли, надо было бы и их скинуть, но у меня не осталось сил.

Вдох, выдох. Словно резкая пощечина в голову полезли чужие голоса.

Сначала это был Джеймс Мерфи. Я вздрогнул.

«Ты шушера, червяк, которого я раздавлю! Ты грязь!»

«Я хочу, чтобы ты сказал это...»

«Скажи, Вуд, кто ты?»

От стыда я зажмурил без того закрытые глаза и поджал губы, заслонив лицо руками. Я перекатился на другой бок, пытаясь увернуться от воспоминаний. Вдох, выдох. Не сработало.

Теперь пришли близнецы Крэй.

«Ха-ха-ха теперь он точно грязь»

И Моника Бэй.

«Джеймс, хватит!»

Промозглый страх сковал тело.

Тихими ручейками потекли слезы. Я вытер соплю тыльной стороной ладони, стараясь подавлять всхлипы. Не хотелось, чтоб брат заметил. Станет расспрашивать. А признаваться я пока был не готов. Не хочу вспоминать! Не хочу! Воздух стал острым, режущим. Дышать больно. Приглушенные рыдания все-таки вырвались на свободу, понемногу даруя горькое облегчение.

Звуки падающей воды глушили возгласы леса и моего надрывистого дыхания. Я успокаивался. Казалось, что меня до сих пор качает мягкое течение. Заволокла дремота. После плача всегда хочется спать.

Сквозь шепот листьев и шум воды сознание пропускало легкие шаги. Они то приходили, то уходили. Что-то твердое поочередно падало в траву. Жужжала муха над носом. Не получалось крепко заснуть, хотя очень хотелось. Я был где-то между сном и реальностью. Под лучами солнца, кожа нагревалась.

– Джесси, ты спишь? – прошептал Дуглас, присаживаясь рядом.

– Мгм, – промычал я.

– Брат, нам надо идти, – мягко призывал он.

Мои губы булькнули что-то неразборчивое. Из рта потекла слюнка. Я подобрался и перевернулся на другой бок.

– Ох, – сочувственно вздохнул Дуглас, – Ладно. Отдохнем еще несколько минут, и надо будет выдвигаться.

– Как скажешь, – пробормотал я, вяло оттопырив большой палец и шмякнув слабой рукой в траву.

Дуглас сначала сел, потом, не выдержав усталости, завалился рядом, поджав колени к груди. От него пахло тиной, как от рыбы, которую приносил домой отец после выходной рыбалки. Я подвинулся к нему поближе и прислонил лоб к спине, вглядываясь из-под тяжелых век в узор бордовых нитей. «На одну секундочку закрою глаза и потом пойдем», – пронеслась в голове обманчивая мысль. Мы уснули.

Кожу обдувал прохладный ветерок, летящий от воды. Он сметал жар солнца. Я ежился и сворачивался в клубок как кот. Дуглас размеренно дышал.

Возле головы послышалось шуршание. Оно приземлилось рядом. От него веяло нежным теплом. Я перевернулся на спину, пытаясь разлепить глаза. Они не поддавались. Рука коснулась чего-то круглого и гладкого. Кажется, яблоко, нет, целая кучка. Видимо, их принес Дуглас. Что-то шершавое коснулось носа. Смахнул рукой. Уже ощутишь кто-то двумя лапами встал мне на живот. От лица разошелся испуганный холодок.

– А-А-А! – разомкнув глаза от неожиданности, я закричал и отполз назад, угодив голой спиной в куст. По коже прошелся скрежет шипов.

– Ты чего? Что случилось? – резко поднялся Дуглас. Его лицо оставалось сонным. Брови хмуро нависли над двумя щелочками. Короткие волосы высохли, взъерошились горками.

Перед нами сидела крупная, испуганная рыжая морда. Темно-оранжевые глаза Лисы округлились. Уши стояли двумя домиками. Она отклонилась назад и задрала переднюю лапу.

– Это та самая Лиса, Дуглас! – тихонько сказал я, замерев.

– Тихо! Не шевелись, Джесси, – настороженным шепотом произнес Дуглас, глядя на Лису, – вдруг у нее бешенство.

– Я и не шевелюсь.

– Вот и молодец!

Втроем мы переглянулись. Я не двигался. Дуглас тоже. Смотрели на рыжую плутовку. Я не мог ею не любоваться, хоть и капельку побаивался. Она была такой пушистой. Едва сдерживался, чтобы не протянуть руку к ее холке. Разум брал свое. Не стоит спешить. Нам надо поближе познакомиться. Пусть привыкнет к соседству.

Рыжая опустила лапу. Стала нас потихоньку обнюхивать. Сначала она сунула свой любопытный нос в кучку яблок, которые лежали рядом со мной. Неинтересно. Потом перешла на мою обувь. Штаны. Живот. Дошла до лица.

– Джесси, только не дергайся. Пусть понюхает и уйдет. Главное ее не напугать. А то цапнет еще, – тихим голосом зря успокаивал брат.

– Я и сам знаю!

Брат закатил глаза.

Лиса провела черным, кожаны́м носом по волосам. Понюхала уши и шею. Щекотно. Уперлась в кончик моего носа. И лизнула его. Я не удержался и заулыбался. Вытер нос рукой. Лисица отпрянула и пошла к Дугласу, пружиня на ловких лапах. Смешная она!

Дуглас глядел на нее сурово. Не доверял. Лиса присела у его вытянутых ног. Всмотривалась ему в глаза. А Дуглас в ее. Она подошла ближе и понюхала свитер. Чихнула. Слюни разлетелись в разные стороны.

– Фу! Эй! – завопил брат.

Лисица отскочила в траву, испугавшись громкого звука.

– Ты пахнешь тиной, – рассмеялся я.

– Тише ты!

– Кто бы говорил!

– Я не специально, вырвалось, – он обиженно взглянул на меня.

Из зеленой травы виднелась рыжая макушка и черные кончики ушей. Мы смолкли. Решили не пугать. Убедившись, что я и Дуглас успокоились, Лиса пригнулась к земле, вытянула морду и сделала шаг вперед. Затем еще и еще. Она, крадучись, пробиралась к брату. Дошла до его ног. Застопорилась, всматриваясь ему в глаза. Медленно приблизилась и села вплотную. Рыжая ткнулась носом в пальцы. Рука брата оказалась на холке животного. Он легонько и нежно погладил ее. Лицо Дугласа смягчилось, а разбитая губа поднялась в намеке на улыбку.

– Хорошая, пушистая, – приговаривал он.

– А ты боялся.

– Я и не боялся! Просто осторожничал, – оправдывался брат, почесывая Лису за ухом.

– Прости Лисичка, нам сегодня нечем тебя угостить, – я подвинулся к ней ближе.

Сначала я дал ей еще раз понюхать мою руку. Подержал ее перед любопытной мордочкой. Ласково коснулся ее лба и провел ладошкой по голове и дальше по спинке. Мягкая шубка приятно щекотала кожу. Черный подшерсток Лисицы показался мне толстым. Такую ни один зверь не прокусит. Набравшись ласки, зверь оставил нас и двинулся исследовать кусты и деревья вокруг, помечая их. Мы остались у берега, следя за ее передвижениями. Не хотелось, чтобы она убежала от нас.

– Джесси, дай яблоко. Там кучка возле тебя.

– Я видел. Держи. Где ты их нашел?

– Тут через несколько деревьев яблоня растет.

– Такие красные! В нашем лесу только кислые и зеленые растут.

– А эти сладкие, – сказал брат, откусывая с хрустом.

– Я тоже хочу-у, – у меня потекли слюни. Я проголодался.

– Так возьми, я много собрал. Они немного побитые. Я поднимал их с земли. На дерево не смог забраться, – с долей неловкости произнес брат.

Я отклонился на спину и протянул руку, взяв яблоко. И вовсе оно не побитое, совсем маленькая вмятина. Протер пальцами плотную кожуру от пыли. Откусил. Под языком светло от долгого отсутствия еды. Как вкусно. Такое ароматное. Я сгрыз плод в один присест, набив рот. Взялся за второе. Дуглас со своим не спешил, ел потихоньку. Он сидел на траве, согнув одно колено, и смотрел вдаль, куда бежала река.

Солнце сошло с зенита. Наклонилось к горизонту. Его яркий свет стихал.

– Долго мы проспали, – сказал брат, повернув голову ко мне, – Не надо было ложиться.

– Все нормально, Дуглас, у нас еще есть время, – не отпускал я надежду.

– Не знаю, братишка, боюсь, нам не успеть до ночи выйти на дорогу к дому. В лесу темнеет раньше. Все же придется заночевать тут.

– А в какую сторону идти?

– Надо двигаться в обратном направлении течения реки. Это же логично. – Он развернулся ко мне все телом и вытянул руку, указывая путь.

– Но там ведь скала, нам на нее не взобраться.

– Значит обойдем.

Я провел глазами вдоль каменной стены, которая длилась далеко-далеко, скрываясь в густом тумане.

– Эм... Дуглас, ты уверен? Есть ощущение, что идти придется не один день.

– У тебя будут другие предложения?

– Нет, – выдохнул я.

– Вот и у меня других вариантов нет, – Дуглас выкинул огрызок в реку, обтер друг об друга руки и стал подниматься. – Давай собираться, прихватим с собой яблок.

– А как же Лиса? – Спросил я, вытянув шею и оглядывая острые шпажки высокой травы. Белый кончик рыжего хвоста бродил неподалеку.

– А что она? Если хочет, пусть идет с нами.

– А вода? – Я смотрел на него снизу вверх.

– У нас нет бутылки. Рюкзаки мы оставили у ручья. Эх, и даже единственную рогатку вместе с ними... – с грустью протянул он, оттряхивая свою куртку от соринки. – Пойдем вдоль реки, чтобы вода всегда была под рукой.

Я накручивал длинный, зеленый стебель на палец. Волнение зудело изнутри.

– Дуглас? – робко позвал я старшего брата. Он с серьезным видом складывал яблоки на свою ветровку.

– Что, Джесси? – тон его голоса опустился.

– Ну... в общем...

Он присел напротив меня на корточки и ожидал откровений. Я склонил голову.

– Мне страшно. Я боюсь заблудиться еще дальше.

Грудь брата приподнялась и опустилась.

– Мне тоже. Но знаешь... – он оформлял в голове мысль. – Страх он не какой-то плохой и появляется не из воздуха. Он хочет нас уберечь. Его надо слушать. Только постарайся не стать немым и слепым перед ним. Мы не потеряемся сильнее, чем сейчас, – брат взглянул на меня. – Ну, ты чего? – он сделал короткий шажок и погладил мое плечо. – Все будет хорошо, мы справимся. Ты же не один, а со мной. Бояться нормально.

– Ты ведь говорил, что мы всегда на самом деле одни.

– Да, так и есть, – брат почесал висок и добавил. – Тогда давай будем одни, но вместе? – он мягко и добродушно улыбнулся мне опухшей губой. Я усмехнулся, шмыгнув носом.

– Хорошо, давай, – я кивнул ему в ответ, вытерев скудную влагу под глазами.

На душе заскребли кошки. Брат никогда не бросал меня. А я-то...

Дуглас протянул мне руку. Хлопнув ладонями, мы ухватились друг за друга, чтобы оттолкнуться от зыбкой почвы. Мы встали на ноги и начали собирать то небольшое, что у нас было.

Пока я натягивал свою почти высохшую водолазку и завязывал рукава влажной куртки на поясе, Дуглас переложил все яблоки с травы на свою разложенную на земле куртку. Увидев, что мы стали готовиться в путь, Лисица подбежала к нам, уселась и стала упорно вылавливать мой взгляд.

– Ты вернулась? Пойдешь с нами? – спросил ее я, будто она человек.

Лиса кивнула. Умная какая. Она приблизилась и взобралась на меня передними лапами. Тяжелая. Я позволил себе обнять ее. Обломанными ногтями я почесал ей холку и шейку. Она снова лизнула нос и опустилась на землю. Дуглас завязывал куртку в узел, когда Рыжая ухватилась за край и потащила.

– Отдай! Отпусти! – закричал он, но Лиса тащила его за собой. Яблоки сыпались на землю. Я подбирал их на ходу.

Лиса упрямо пятилась задом, проходя через кусты. Дуглас дергал куртку, но она не отпустила. Обойдя высокий куст, Рыжая разжала зубы. Дуглас, выхватил куртку и повалился на зад, схватившись за ребра и застонав.

– Наконец-то! – он вытер пот со лба, – Лиса, какого...? – поднял куртку к солнцу, – Порвала! И ради чего?

В ответ на последний вопрос Лиса встала на задние лапы и подняла передние кверху. Мы остановились под густыми шапками яблонь. Повсюду свисали ярко-красные плоды – только руку протяни. Украшенные деревья стояли рядами. Под ними кучками гнила падалица. Давненько сад не обирали. Забросили. Я стоял посреди богатой рощи с кучей яблок в руках и не знал, что с ними делать: то ли выкинуть на землю и набрать спелых фруктов с веток, то ли сохранить и съесть.

Дуглас вздохнул и осторожно поднялся на ноги. Он сорвал ближайшее яблоко и смачно надкусил.

– Чего тебе? – ворчал он с набитым ртом. Лиса опустила лапы на землю, подбежала к протоптанной тропе, которая выходила из сада и вела вдоль реки вниз по течению, запрыгала и закружилась на ней.

– Дуглас, кажется, она хочет, чтобы мы пошли за ней.

– Но нам в другую сторону, – он махнул рукой в противоположном направлении. Лиса принялась ждать на месте, подслушивая наш разговор с братом.

– Может, стоит пойти за Лисой? – я оглядел верхушки яблонь. – В конце концов, раз тут сад, значит за ним, кто-то ухаживал раньше и, возможно, до сих пор живет поблизости.

– Джесси, я не думаю, что идти за Лисой – хорошая идея, – сказал Дуглас, выбросив огрызок.

– Брат, у нас других вариантов нет. Мы не знаем этот лес. Посмотри – водопад. Ты хоть раз слышал, чтобы возле Сенсшвила было такое?

– Янго течет с гор! Конечно, там есть водопады.

– А Лиса, думаю, знает. Не просто так же она привела нас в сад, где мы можем набрать свежих спелых яблок в путь.

– Джесси, это всего лишь лиса!

– Это всего лишь лиса... – я скорчил гримасу, аккуратно высыпал яблоки на землю, завернул их в свою куртку. – Почему ты не доверишь мне? Я чувствую, нам надо идти за ней. Я хочу пойти за ней.

– Джесси, я не это имел в виду...

– Я знаю! – перебил я и посмотрел исподлобья, – Я понимаю, ты заботишься, волнуешься за нас обоих и хочешь уберечь. Но и я тоже.

– Джесси! – прикрикнул брат и подошел ко мне ближе. Потом его тон смягчился. – Ты ведь мой младший братишка. Я постоянно забываю, что ты все время растешь, и тебе тоже хочется принимать решения. Раз так, то, убеди меня, что Лиса и правда знает, куда нас вести. Обещаю, я не буду строг.

– Я не могу почувствовать уверенность за тебя или внушить тебе ее за одну минуту. Просто... считаю, что если пойдем вверх по реке, то окончательно потеряемся и будем блуждать по лесу вечность! – я взглянул на Рыжую, она свесила голову на бок. – Если хочешь, можешь спросить ее сам, – я кивнул в ее сторону. – Мне показалось, она понимает нашу речь.

– Хорошо, Джесси, я спрошу ее.

Дуглас почесал голову, подошел к Лисе, которая терпеливо сидела и ждала.

– Ты, правда, знаешь путь? – спросил он, чувствуя себя дураком, разговаривая с животным, поэтому постоянно оборачивался ко мне лицом. Лиса кивнула.

– Мне как-то сложно поверить, Джесси... – Дуглас растерянно поднял одну бровь.

– Пожалуйста... Нам все равно не добраться до ночи к дому, давай попробуем! Мы всегда сможем вернуться.

Он протяжно вздохнул и снова посмотрел на Лису:

– Ты понимаешь, что я говорю?

Лиса снова кивнула.

– А давай проверим?

Кивок.

Дуглас оглянулся, вытянул руку с поднятым указательным пальцем вверх в моем направлении.

– На всякий случай... Я просто хочу убедиться. В тебе я точно не сомневаюсь. – и снова к Лисе: – Итак, покружись вокруг себя.

Та поднялась и сделала разворот.

– Слишком легко, – Дуглас прищурился, – Принеси мне два яблока: одно упавшее с ветки, а второе – сорви с дерева.

Через мгновение Лиса положила к его ногам два яблока, которые он просил. Дрессированный пес и то не различил бы.

– Поразительно. – Дуглас опустил на корточки и взял лапу Лисы, – Ты точно-точно проводишь нас к дому?

Лиса медленно моргнула.

– Ла-адно, – протянул брат. – Твоя взяла, Джесси! Пойдем за Лисой.

Рыжая радостно вскочила на Дугласа, чуть не свалив его с ног, лизнула его щеку и неспешно направилась вдоль протоптанной дорожки, задрвав свой пушистый, огненный хвост с белой льдинкой на конце.

– Ей по душе такой исход, – весело сказал я брату.

– Я заметил, – отметил брат и выпрямил ноги, постанывая.

– Как ребра?

– Я приноровился быть аккуратным с ними. После отдыха на берегу стало немного полегче, но еще болит, – ответил он, завязывая подраную куртку на пояс. Я ободряюще похлопал брату по плечу, и мы зашагали вслед за Лисой, которая остановилась у поворота тропы.

Дорожка вывела нас из сада. Мы шли по ней вдоль широкой реки, не отдаляясь в лес. На другом берегу все еще тянулась каменная стена. Сверху она стала зарастать кудрявым сорняком с белыми, треугольными цветками, будто у скалы появилась челка. Солнце клонилось к горизонту, у реки становилось прохладно. Камни под водой окутала длинноволосая тина. Над размеренным течением пролетали шустрые птицы и большие радужные стрекозы, они опускались к реке и ловили водомерок. Дул приятный ветерок, закидывая мой отросший волнистый чуб на глаза. Доносился душистый запах листвы.

Мы шли долго, по ощущениям несколько часов. Лиса шагала впереди, иногда озираясь на нас. Иногда она отбегала в сторону, помечала наше направление и возвращалась обратно. Странно, никаких поворотов не было – дорогу не спутаешь. Посередине пути Дуглас все чаще и чаще стал прикладывать руку к животу, особенно, когда приходилось спускаться с пригорка или подниматься на него. На его лице отпечаталась терпеливая тяжесть.

Солнце приближалось к горизонту, освещая лес и реку красно-оранжевыми лучами. Впереди показался большой валун, разместившись на краю тропинки.

– Тебе надо отдохнуть, – сказал я, покосившись на брата.

– Пожалуй, ты прав. Посижу на том камне, переведу дух.

– Хорошо, нам немного осталось до него идти.

Лиса оглянулась и с волнением посмотрела на Дугласа. Мы дошли до места привала, кинув рядом сверток из куртки с оставшимися яблоками, я помог Дугласу сесть на землю, чтобы опер спину на валун. Он изможденно откинул голову назад и закрыл глаза. Назойливые комары то и дело пищали над ухом. К вечеру их стало еще больше. Лисица обнюхала брата и потянула меня за рукав к растущим неподалеку кустам с красными ягодами. Они как маленькие груши горстями свисали на ветках. Мне раньше такие не встречались. Я растерянно взглянул на Лису. Она сорвала пастью несколько штук снизу и сунула мне в ладонь.

– Понял. Ты хочешь, чтобы я собрал этих ягод?

Лиса фыркнула.

– Кажется, ты возмущена моей непроницательностью, – подшутил я и стал собирать странные с горкой в руку.

– Они хоть съедобные? – спросил я и надкусил одну. – Кислятина. И что с ними делать?

Лисица снова фыркнула и побрела в сторону Дугласа.

– Прости, я не умею читать Лисьи мысли. В моей голове только я один, – громко, подсмеиваясь, сказал я в спину Лисе. Та оглянулась и кивком поторопила меня к брату.

– Дуглас, ты уснул? – спросил я, присев к нему на корточки.

– Нет, просто отдыхаю.

Я потрогал его лоб. Прохладный. Это хорошо.

– Братишка, я собрал тебе ягод. Думаю, они должны помочь. Может, боль снимут. Не знаю. В общем, поешь.

– Во рту пересохло. Сначала умоюсь и воды глотну, – Дуглас открыл глаза и шатаясь поднялся на ноги. Он протопал до берега и уже собирался опуститься к реке, как я вспомнил:

– В воде тина, это может быть плохой идеей, Дуглас.

– Гадство! – брат остановился и приложил руки к голове, задрал локти к небу. – Только отравления мне не хватало, – выругался он. – Давай свои ягоды и пойдем дальше, – сказал он, успокоившись.

– Держи, – я высыпал половину ягод из руки в ладонь Дугласа и подхватил свою куртку, закинув на плечо.

– Спасибо, – тихонько сказал братец. – И тебе, – обратился он к Лисе. Та прошмыгнула ему под свободную руку и утешила своей мягкой пушистой холкой.

– Кисло, но терпимо, – скривился Дуглас, закинув одну красную, грушевидную ягоду в рот.

Наша тройца двинулась дальше, шурясь от золотистого заката. Земля, нагревшись за день, отдавала свое тепло, распыляя вверх запах пыли. Шаг Лисы ускорился, у нас не осталось сил попеть за ней, поэтому она то и дело останавливалась и ждала меня и Дугласа.

– Помогает? – я пересыпал ему оставшиеся ягоды, первую часть он съел.

– Кажется, да!

– Погоди-ка! Попробую сесть и встать, так обычно больше всего.

Мы остановились на дороге. Лисица подбежала к нам и с заинтересованностью наблюдала за движениями брата. Дуглас присел на корточки и поднялся.

– О, как! – сказал Дуглас. – Больно, но уже легче, – выдохнул брат. – Когда вернемся домой, я поймаю тебе целую рыбу и в благодарность угощу! Обещаю! – обратился он к Лисе. Она открыла пасть и облизнулась.

– Что слюнки потекли? – рассмеялся я. – Я бы сейчас тоже от рыбы не отказался! Да еще бы и с пюре из батата! Ммм... – мечтательно произнес я и погладил себя по животу.

– Джесси, не дразни меня! Я голоден как стадо кабанов! Уже не могу яблоки жевать.

– Даа... я тоже! – вырвался мой стон.

До меня донесся треск ветки из леса. Сгущались сумерки, по траве от реки пополз туман. Я взгляделся в плотные деревья. Ничего не видно.

– Ты слышал? – шепнул я на ходу.

– Что? – также тихо ответил Дуглас.

– Треск. Будто кто-то следит.

– Это же лес. Может, заяц.

– Ладно.

За маленькой елью промелькнуло, что-то белое и воздушное. Рыжая наострила уши. Потом рыкнула и побежала немного быстрее. Мы за ней.

– Чего она? – спросил Дуглас.

– За нами кто-то идет.

– Да нет там никого.

– Есть, я видел. Но не разглядел.

Лицо Дугласа напряглось. Лисица прибавила скорость. Мы за ней. Еще быстрее. Мы за ней. Со всей силы. И мы.

– Я так долго не выдержу, – надрывисто сквозь бег прокричал Дуглас. Лиса оглянулась, но продолжила бежать.

– Еще немного, брат, потерпи.

– Я стараюсь.

Мы неслись, поднимая ногами пыль с песком. Сбоку в лесу мелькало белое полотно, так быстро, что не давало даже примерно разобрать, кто гонится за нами.

– Кусты! Кусты! – прикрикнул Дуглас, указывая на заросли впереди возле реки, – Спрячемся! Я больше не могу, – задыхаясь, молил брат. Сжалившись, Лиса ринулась к ним.

Прижавшись к земле, мы осторожно выглядывали из-за веток. Лисица прижала морду и хвост к земле. Я снова мельком увидел летящую белую ткань. Звук ломающихся прутьев удалялся дальше по дороге, пока совсем не исчез.

– Кажется, оторвались, – шепнул я.

– Давай переждем несколько минут, чтоб наверняка. Успеем отдышаться, – заговорил Дуглас.

– Хорошо, – согласился я и откинулся назад, уперевшись локтями во влажную почву. Лиса отпрянула от земли и задрала кверху острый нос, приплюсываясь. Она поскребла меня и Дугласа передней лапой. Выбравшись из-под куста, Рыжая прыгнула в яму на краю берега. Там из щели в камне сочился маленький ручеек, он тонкой струйкой сбегал вниз и вливался в речной поток.

– Смотри, – я указал пальцем, свесившись с края, – Кажется, это бьет ключ. Вода чистая, ее можно пить.

– Да, думаю, можно, – согласился брат. Дуглас спустился в яму к Лисе, которая уже принялась лизать языком воду из источника. Брат сложил ладошки и набрал воды. Вдоволь напившись, он умылся и уступил место мне. Я встал над Лисой, которая все еще зачерпывала языком

влагу с камней. Прохладная жидкость стекала по горлу и освежала пересохший рот. Когда мы вылезали из ямы, в моем переполненном животе булькало.

– Пойдем дальше или останемся тут до утра? – задал вопрос я.

Лисица стояла рядом, раскрыв пасть, высунув язык и прищурился глаза, она осматривалась. Вокруг посерело. Голову сдавливала тяжесть.

– Учитывая, что за нами кто-то гнался, будет глупо оставаться на виду у дороги. Надо найти место для ночлега неподалеку, – рассуждал брат.

– Я устал, нет сил, идти.

– Знаю, мне тоже тяжело. Давай пройдемся немного, посмотрим, что тут есть.

Мы побрели по тропинке, волоча ноги. Стало по-летнему прохладно. Мои штаны оставались слегка влажными. Если бы не мокрая одежда, мы бы спокойно поспали в лесу прямо на земле, укутавшись в куртки.

Среди высокой зеленой травы показались желтые пучки цветов. Казалось, они не росли, просто были разбросаны вдоль дороги. В глазах рябило. В сумерках все видится размыто.

– Дуглас, смотри, тут орешник и сосна, они такие же как у нашей поляны, даже ветки похоже растут.

– И правда! Точь-в-точь, – удивился брат, остановившись на тропе. Над деревьями взметнулась тучка из черных ворон. Птицы разлетелись в разные стороны и уселись на самые высокие ветки. Они принялись наблюдать за зрелищем.

– Давай заночуем здесь? – я потер костяшками пальцев глаза и зевнул.

До моих ушей долетел еле слышимый хруст сучков. Или мне послышалось? Захотелось плюнуть на все и завалиться под ближайшие кусты, проспаться до утра. Лисица прижала уши и, вцепилась зубами в штанину, она отчаянно дергала за нее, убеждая идти вперед. Из последних сил, не сдаваясь, я напряг зрение и слух.

– Дуглас, я опять что-то слышал, – обреченно сказал я, – Все же лучше поискать другое место.

Лисица то вздымалась лапами на меня, то крутилась на месте, то отбегала от нас, тревожно щебеча.

– Ну, что опять? Нет тут никого. Нам нужен отдых. Сам ведь сказал, что хочешь прилечь здесь... А ты Лиса, ну-ка, угомонись!

Дуглас раздражительно зарычал и топнул. Когда он поднял ногу, на сухой земле лежало раздавленное растение с желтыми лепестками. Опять оно. Я взглянул внимательнее. Сорванные грозди крошечных бутонов лежали то тут, то там.

Послышался шелест листы.

– Может, я смогу помочь? – звонкий голосочек эхом просочился сквозь деревья.

– Это еще кто? – Дуглас замер на месте, округлил глаза, задрал брови, и испуганно вглядывался в лес. Того, кто говорил, не было видно.

Я похолодел. Лиса рычала. Дуглас не слушал. Оно и понятно, привык решать все сам день ото дня.

– Я – Лора! – сказала она, примерно одного роста с Дугласом.

– Дуглас, это та девочка со страшной улыбкой, что я видел у ручья. Это она! Она! – шептал я.

Она внезапно показалась из-за сосны, двинулась немного вперед и осталась стоять возле куста орешника. Трава скрывала ее ноги до колен. На лице застыла легкая улыбка. Длинные косы касались плеч. Кончики волос были распущены, светлые локоны свободно распадались по легкому, белому платью, которое обрывками подола утопало в высокой зелени. На согнутом локте у нее висела корзина с цветами, что лежали вдоль тропы до самого места встречи с ней.

Она подняла свободную руку и стала водить пальцем по дуге. Мое сознание поплыло в томную и тягучую темноту. Я оглох и ослеп и как будто даже не дышал. Куртка с яблоками выпала из рук.

Руку тут же пронзила острая боль, вырвав меня из затмения. Я сделал резкий вздох. Лиса вцепилась в кисть. Увидев, мой прояснившийся взгляд, она отпустила. Я встряхнул головой и спрятался за спину старшего брата, чтобы прийти в себя. Оказалось, что я стоял на кучке желтых цветков.

Оглушительный страх ударил под дых. Грудь учащенно качала воздух, наполненный опасностью. «Я должен успокоиться. Я должен быть смелым и сильным», – шептал сам себе. Лиса уткнулась прохладным носом мне в ладонь и потерлась о штанину.

Послышался шелест. Лора сделала несколько шагов к нам от орешника. Рыжая резко отскочила от меня и встала перед Дугласом, предупреждая зарычав на девочку.

– Привет, Лора, ты откуда здесь? – спросил Дуглас, шикнув на животное. Та оскорблено пригнулась.

– Я тут живу. А вы кто? И откуда? – притворно интересовалась она, как будто не видела нас раньше.

– Меня зовут Дуглас, а это мой младший брат – Джесси. Мы из Сенсвила. Нас принесла сюда река, ты знаешь дорогу в город? – монотонно заговорил брат.

– Привет, Дуглас. Хэй, Джесси, здравствуй. Почему ты прячешься? Я не кусаюсь. – Вдруг обратилась ко мне Лора.

Я украдкой наблюдал за ней. Она заулыбалась шире – холодно, безжизненно. На щеках проступили длинные раны. От нее веяло мерзлой агонией. Палец все также выводил полукруг в воздухе.

– Она жуткая, я хочу уйти!

Дуглас развернулся ко мне лицом и потряс за плечи. Лиса прикрывала ему спину.

– Джесси, отдаляясь от водопада, мы все дальше уходим от дома. Я лучше поверю человеку, чем животному. Тебе нечего бояться, я же с тобой.

Он смотрел сквозь меня, словно околованный. В глазах витиеватыми узорами мелькала еле заметная дымка. А под ногами сплющилось желтое месиво из цветов.

А Лора скалилась. Красные шрамы расходились от губ к ушам. И смотрела так бездушно. Разум снова охватила поволока, я резко отвернулся, зажмурился, вцепился в волосы и натянул их у корней.

«Ыы... Ей можно сопротивляться. Будь сильным. Будь сильным».

Лора сделала еще шаг вперед и бросила в лицо Дугласа охапку бутонов. Лиса свирепо зарычала. И девочка у орешника, и мы с Дугласом от неожиданности вздрогнули.

– Ну-ка замолчи, – прикрикнул Дуглас.

– Эй, не ори на Лисицу, она наш друг, – злился я, опустившись к ней и обняв мягкую белую грудку. Глаза Лоры радостно вспыхнули блеском и тут же погасли. Видимо, ей по душе наши склоки.

– Я живу рядом, уже почти стемнело, – Лора, все также улыбаясь, посмотрела на горизонт. – Можете переждать ночь у меня в доме и погреться у очага, высушите одежду и поспите. Тут думать нечего. В лесу ночью опасно, – сказала она, облизнув налитые красные губы.

– Что же прячется в лесу по ночам? – задал я вопрос.

– Чудовище. Лисе с нами нельзя, – напоследок холодно бросила Лора, развернулась и зашагала вглубь зарослей.

– Джесси, идем, – беспристрастно произнес брат.

– Я без Лисы никуда не пойду!

– У нас нет выбора! – вспыхнул брат. Он не моргал. – Слушайся старших! – рявкнул он. – Ха! Прочь! – топнул он ногой в сторону Рыжей, когда та собиралась пойти вместе с нами. Лисица испуганно отпрыгнула в сторону, прижав уши и хвост.

Дуглас схватил меня за руку и потащил за собой, уверенно ступая по следам Лоры. Запасы яблок остались лежать на тропинке, завернутые в синюю куртку. Одно яблоко вырвалось из свертка и покатило мимо Лисицы по тропинке под горку вдоль реки.

Закаркали вороны, заквакали лягушки, зашипели змеи, залязгали ногощупальцами пауки. Лес поглотила темнота. Я испуганно прижался к твердой руке Дугласа. В нашей семье я всегда мог рассчитывать на брата. Он был единственный, кто всегда был готов прислушаться ко мне. Но сейчас его словно околдовали, водрузили между ним и мной невидимую стену. Так это было не похоже на него!

Вглядываясь в густые, вьющиеся пути веток, я мысленно призывал Лису не бросать меня, нас. Мне стало намного легче, когда увидел прыгающий из куста в куст рыжий, пушистый хвост. «Ах, ты хитрая плутовка! Как же хорошо, что ты непослушная», – подумал про себя я.

Догнав девочку, мы плелись позади нее. Она вся перепачкалась в паутине, но совсем этого не замечала. Косы Лоры расплелись, неряшливо разлетевшись по спине волнами. Постепенно трава поредела, деревья росли не так густо. Тут я увидел, что все это время Лора шла босиком. На ступнях запеклась кровь, коричневые и узкие загнутые ногти на длинных пальцах были больше похожи на звериные. Это было еще хуже, чем ее шрамы, идущие от уголков губ, когда она улыбалась. Мне все еще хотелось уйти подальше, но я же не мог оставить упертого брата.

Мы дошли до опушки леса и остановились. Посередине гладкой поляны стоял покосившийся деревянный дом, в окнах светил слабый свет. В серости гладкая трава отражалась синими бликами.

– Ты тут живешь? – спросил я. – Одна?

– Да, тут. Я не всегда одна. У меня есть он, – ее голос стал грубее.

– Кто он?

Дуглас молчаливо стоял рядом, опустив руки. За спиной послышался шорох. Я был уверен, что это Лиса.

Лора на мгновение оглянулась, косо глядя в ближайшие кусты и черноту леса, поблескивая белыми зубами в улыбчивом оскале. Оставив меня без ответа, она устремилась через опушку к своему старому дому. Когда мы прошли половину пути по полю, я замедлился. Спиной почувствовал чей-то взгляд. Возле того места, где на границе леса и опушки мы останавливались с Лорой, тайком блестели лисьи глаза. Рука Дугласа оттянулась и выскользнула, врезавшись с размаху о его бок. Он, не отставая, брел за девочкой. Пришлось нагонять быстрым шагом.

Старые половицы ступеней крохотного крыльца закрипели, когда Лора наступила на них. Она со скрипом отворила ветхую входную дверь, выпустив на свое лицо тусклые лучи, и на пороге оглядела еще раз всю опушку. Тут я вблизи увидел шрамы на щеках. Руки Лоры вытянулись, став неуклюже длинными, а ногти на руках превратились в изогнутые когти.

– Все в порядке Джесси? – спросила меня Лора.

– Что с твоими руками? – задал ей встречный вопрос я, пытаясь обратить внимание на них отрешенного Дугласа.

– Ох, ты слишком любопытный, – она растопырила перед собой пальцы, которые обсыпали коричневые бородавки. – Я вчера выкапывала для вас золотарник на холме неподалеку. Знала, что вы появитесь здесь у реки. Хотела, чтобы вам было уютно в моем доме.

– Откуда ты знала, что мы попадем сюда? – спрашивал я, разглядывая застывшее лицо брата. – И зачем притворялась, что не встречала нас раньше?

– Мы ведь всего на секундочку пересеклись с тобой взглядом, почему бы не познакомиться? – Лора ждала, что я посмотрю на нее, но я нарочно отводил глаза. – Лиса – проводник. Она рассматривала вас на ручье, вот и я заглянула. – Девочка погладила Дугласа по щеке, на которой засел темный синяк. Его вид был остолбенелым. Я потряс его, но он даже не повел носом в мою сторону. – священная река вас выбрала, поэтому и принесла сюда, как и других, – рассказывая о реке, Лора скривилась.

– Тебя тоже она принесла?

– Да. Это было слишком давно. Почему ты не смотришь на меня?

– Кто ты такая? И почему здесь? – Перебил я и смело посмотрел в глаза девочке. Она заулыбалась шире. На ее шрамах появились бордовые рубцы. Лора подняла палец дальней от меня руки и вновь стала водить им по кругу. Я чувствовал, как разум обволакивает дурман, но держался, вдавливая пятки в землю.

Лора хмыкнула, заметив, что ей не удалось заморозить меня.

– Ты сильнее, чем кажешься, мальчишка. Проходи в дом. – Лора широко растянулась в ухмылке, слегка обнажив рваные разрезы, расплзающиеся от губ к ушам. Девочка шагнула внутрь, Дуглас следом. Я схватил его за рукав. Нитки треснули. Он вырвался и протиснулся в дверной проем. Дверца хлопнула несколько раз и закрылась.

Подул прохладный ветер, заставив меня поежиться во влажной одежде. Солнце уже давно село, на опушке непроглядно стемнело. Трава поблекла, деревья, разросшиеся по краю гладкого поля, выглядели пугающе. «Кар!» – раздался возглас ворона. Я вздрогнул. Вдалеке со стороны реки зазвучал громогласный волчий вой.

Мне было страшно оставаться снаружи, но и заходить в дом тоже.

Под ботинками, возле крыльца зашуршало.

– Помогите мне, – сказал я Лисе, которая выпрыгнула из высокой травы прямо к моим ногам. Я мешкал входить в дом. Из леса, минуя плотную чащу, снова потянулся волчий вой. Он приближался.

Рыжая прижала уши и лбом прильнула к ноге.

– Да... Дугласа надо выручать. Не могу же я его оставить одного. Снова. Неладное творится. Колдовское, – тихонько ответил я Лисе.

Втянув побольше воздуха, я заставил себя перешагнуть порог.

Дуглас стоял посреди единственной комнаты. Рядом с ним на полу по кругу были разбросаны длинные, зеленые стебли с желтыми пучками маленьких цветов. Золотарник, значит.

Пока Лора вешала чугунный котелок на огонь, брат смотрел на стену из прогнивших досок. На нее падал свет от слабого костерка в перекошенном каменном очаге. Брат заморожено наблюдал, как на ней танцевали тени, превращаясь в мрачные фигуры.

– Дуглас! Дуглас! – шепотом звал я брата, шагая к нему, разгребая ногами ростки. Он не двигался. – Очнись, братец. Прошу!

Посмотрев внимательнее на то, что вырисовывалось перед глазами Дугласа. Сознание стало сбегать от меня. Я встряхнул свою косматую голову.

– Дуглас, не смотри! – я встал перед лицом брата, заслонив стену. Но в его глазах продолжали мелькать темные силуэты.

– Что ты сделала с моим братом? – жестко произнес я.

– Всего лишь даю увидеть мою историю, – звонкий голосок Лоры сменился на хрип.

Она сыпала в котелок травы и помешивала длинной ложкой кипящую воду. Я не верил своим глазам. Паутина на ее светлых волосах растаяла и превратилась в густую жижу, склеив локоны, ее колени выгнулись в обратную сторону.

Мои глаза зажмурились, лоб припал к плечу брата. Он стоял ровно по рукам и ногам.

Дуглас всегда встречает врагов лицом к лицу, какими бы сильными и пугающими они ни были. И я буду, хоть мне до дрожи страшно. Она и есть чудовище, что бродит по лесу.

На обломанном подоконнике за спиной девочки стоял плоский подсвечник. Воск крупными каплями стек вниз, запыхавшаяся до черноты свеча превратилась в толстую и плоскую шайбу. Фитиль горел вытянутым огоньком. Из него раздавался треск и еле разборчивый шепот. Кожа Лоры посинела. Подол ее воздушного платья растрепался сильнее прежнего и окрасился в грязно-красный. Она все больше и больше теряла человеческий облик.

– Кто ты? – процедил я, держа теплую руку брата в ладонях.

– Я – его любимица. Он говорит, что любит меня. Но его любовь меня ранит, скоро я совсем растворюсь.

– Чья? Чья ты любимица?

– Хозяина... Он пришел за мной и спрятал во тьме. Я только ему нужна... Моя надежда перевернулась, исказилась, превратилась в скверну. Он заразил меня ею. Скверна стала частью его, а я частью хозяина.

– Зачем тебе мы?

– Я хочу... – ей было трудно говорить, она рыгала и плевалась от каждого вздоха... – чтобы... вы узнали... что значит любить и ненавидеть весь мир одновременно!

– Чушь какая! С нас хватит! Я и Дуглас идем домой. Пошли брат, – я дернул Дугласа за руку, чтобы сбежать из этого дома, но ничего не вышло. Он прирос к полу.

– Отпусти его!

– Он должен узнать мою историю! – от стен оттолкнулась хрипота.

Чудовище повернулось ко мне лицом и широко-широко улыбнулось, рубцы на щеках лопнули. Из рта полилась багряная кровь, словно это были слюни голодного пса перед кормежкой, который только что безжалостно загрыз дичь и остался голодный. Стало слишком тихо. Было слышно, как булькает вода в котелке.

Под половицами возле окна до моего слуха донесся еле слышимый топот. От испуга плечи дернулись, шея вжалась. Потом меня осенило: «Лисица! Она делает подкоп!».

– Ты обещала все рассказать! – я старался отвлечь Лору разговором.

Помешивая отвар, она взмахнула длинным острым пальцем. И Дуглас сел на лавку перед ветхим столом, стоявшим недалеко от огня. Лора мельком взглянула на меня покрасневшими глазами и вытерла с бороды кровь, да не ладонью, а всем предплечьем.

– Садись, – пригласила она, вытянув свою длинную лапу с загнутыми коричневыми когтями.

Я сел, так, чтобы ближе к ней находился я, а не брат.

Лора водрузила на шатающийся стол тяжелый котел и, опустив в кипяток грязные руки, зачерпнула в глиняные стаканы отвар, поставив их передо мной и братом.

– Превратив меня в ведьму, он не смог забрать мое имя! Но его голос... он шепчет и шепчет... внутри меня... в моей голове... – она схватилась руками за виски и мучительно закричала. – Громко! Громко! Он приказывает! Приказывает! Ты и твой брат угроза! Угроза!

– Мы ничего не сделали! – возмутился я, хлопнул руками о стол и вытянулся вперед.

– Он чует... чует... – ведьма задрала нос и принюхалась.

– Ты раньше была обычным человеком? – сказал я, посмотрев на нее.

Лицо ее вытянулось. Переносица впала. Подбородок стал острый. Зубы удлиннились. На макушке выпали волосы, длинные, склизкие патлы, свисающие над угловатыми ушами, почернели. Спина сторбилась, да и рост ее увеличился в два раза выше прежнего. Вместо платья остались разодранные грязные лохмотья. Передо мной возвышалось чудовище, которое все время улыбалось.

– Пей отвар, Джесси, прими крупицу моего гостеприимства, – приглашающим жестом она провела ладонью над горячей жидкостью. – Человека во мне почти не осталось.

– Ответь на вопрос! – прикрикнул я, чувствуя, что нащупал важное.

– Я уже ответила. Пей! – повторила Лора громом.

Я посмотрел на глиняный стакан передо мной, от которого поднимался пар. Дуглас взял обеими руками свой и поднес ко рту. Моя ладошка сама выбила его из рук брата. Чудище завопило, ударив лапами о стол:

– Ах, ты наглый мальчишка! Ты посмел оскорбить меня? Думаешь, твоей храбрости хватит, чтобы уберечь брата? Хозяин сделал меня чудовищем! Ведьмой! Я поработила ни одну душу по его указке! – громыхала Лора. – Он должен узнать мою историю! Должен узнать! Или и тебя, и его я сожру! И выпью всю любовь и надежду, что живет внутри до остатка, превратив ее в скверну! В скверну...

Я схватился голой рукой за горячую ручку котелка и кинул прямо в страшное зубастое лицо. Раздался рык. Котелок ударился о голову ведьмы и отлетел в оранжевые угли очага, потушив слабый огонек. Старый, перекошенный дом погрузился во тьму.

– Ха-ха-ха... Джесси... Джесси! – раздался ехидный смех чудища. Хриплый голос кружился над нами, называя мое имя, плотоядно пробуя его на вкус.

Мне было страшно, но еще я был страшно зол на треклятую ведьму. Что-то грохнулось и сползло с лавки, заставив меня дернуться. Я попытался нащупать брата на лавке за столом. Пусто. Моя нога пугливо коснулась чего-то мягкого. Рука Дугласа. Он упал вниз. Я пролез к нему под стол, в надежде найти под дряхлыми досками временное убежище.

– Джесси, я... что произошло? – сонным голосом спросил брат.

Чудище разъяренно металось по стенам.

– Хм. Так вот как она колдует. Пока горит огонь!

– Что? О чем ты?

– Лора – ведьма! Чудище! И нам надо убираться отсюда поскорее, Дуглас!

Лора обрушилась на наше скромное укрытие. Под ее тяжестью хлипкие ножки качнулись, поползли в стороны и с треском подогнулись. Мы, спотыкаясь, метнулись к окну, едва успев спастись. Но надолго ли? Даже в темноте я видел весь ужас, который отпечатался на лице Дугласа, когда он увидел ведьму. Глаза расширились, подбородок упал, рот округлился.

Под половицей возле нас слышался отчаянный скрежет лап Лисицы.

Чудище с наслаждением надвигалось. Его голова качалась из стороны в сторону, а на лице застыл жуткий, рваный оскал, из которого текла кровавая слюна. Лора медленно подошла к нам, раздувая от злости круглые ноздри, схватила меня за шею длинной, синюшной рукой, и подняла над собой. Я чувствовал, как ее когти упираются мне в кожу, протыкая ее. Грудь не могла набрать воздуха. Что есть сил, я брыкался, пытаюсь ударить ведьму болтающимися ногами, но не доставал даже носком ботинка.

– А ну пусти его! – Дуглас оторвал расшатанную половицу вместе с ржавыми гвоздями и, подпрыгнув, ударил Лору по голове. Монстр пошатнулся, раскрыл пасть и истошно заревел.

Через дыру оторванной половицы Лиса проскочила в дом и вцепилась ей в горло. Лора разжала бородавчатые пальцы, и я полетел вниз. Рыжий хвост метался в разные стороны. Лисица рычала и грызла. Лора выла, прыгала с потолка на пол, разрушая и без того старый-старый деревянный дом.

– Мы бросим Лису? Опять? – прохрипел я сдавленным горлом.

– Джесси, посмотри на нее. Думаю, помощь нужна чудищу, а не ей, – Лиса бесстрашно кидалась на чудовище, которое то и дело размахивало когтистыми лапами, пытаюсь разодрать тельце рыжей хищницы. Лисица ловко увиливала, отталкиваясь от стен. Она впивалась острыми зубами в лицо, плечи и руки, оставляя следы зубов на коже ведьмы.

– Почему Лиса сразу не накинулась на Лору, а только предупреждающе рычала? – спросил Дуглас, трясась от страха на полу под единственным окном дома.

– Может, потому что она была девочкой, а не чудовищем? – с дрожью в голосе ответил я.

– Может быть... Нам надо бежать. Сюда!

Я и Дуглас поползли к двери. От окна до выхода было ровным счетом несколько шагов, сейчас же они казались целой милей. Ведьма заметила нас, зарычала и, не обращая внимания на проворную Лисицу, бросилась вдогонку, опустившись на четыре лапы. Рыжая метнулась, чтобы защитить нас, но чудовище откинуло ее к очагу. Лиса ударилось спиной о серые, кривые кирпичи и жалобно заскулила от боли. Тем временем Дуглас толкнул ногой перекошенную входную дверь, держась за раненные ребра, и дернул меня за руку и вытянул на крыльцо. Половицы заскрипели. Мы побежали в темный лес, перепрыгивая через вьющиеся корни, кусты и валуны, по тропинке, которой пришли сюда следом за Лорой. Лес завывал. Ветер вздымал листья и просачивался сквозь ветви. Вороны гоготали и вздымались ввысь. Змеи ядовито шипели и отползали в стороны.

– Дуглас, она же умрет! – кричал я, запыхавшись на бегу.

– Не умрет, шевели ногами! Лиса жива! А чудище несется следом за нами!

Я обернулся и увидел радостный оскал ведьмы.

Мы бежали так быстро, как только могли. Дуглас на шаг отставал. Под ногами все сильнее ощущался топот звериных лап. Даже спиной я чувствовал горячее, смердящее дыхание. Впереди показался куст орешника. Брат рванул вперед. Добежав до куста, он прошмыгнул за ветки и поволок меня за собой.

Монстр кружил совсем рядом, вынюхивая нас. Выгнутые назад длинные лапы пружинили, сутулое туловище пригибалось, позволяя ноздрям втянуть воздух у земли и поймать наш запах. На серой коже сверкали волнистые отблески реки. Свирепый, полный ненависти вид Лоры заставил меня покрыться мурашками и задуматься на миг: «Каково это – быть таким страшным и жаждущим погубить другого? И почему милая девочка выросла в нечто ужасное?». Я прижался к брату. Его тело спокойно дышало, руки сжались в кулаки, а глаза внимательно следили за страшным существом.

Вдруг неподалеку раздался волчий вой. Он снова и снова серпом поднимался от земли и устремлялся в небо. Чудище обернулось на звук. Встало на дыбы и издало гортанный, яростный рев. Лора запрыгала на месте, делая частые гребки когтистыми лапами. Еще один протяжный вой волка разлетелся по лесу. Совсем близко. Лора шумно выдыхала струи пара из круглых бескостных, впалых ноздрей и металась вокруг себя.

– Ей... страшно? – шепнул я тихонько Дугласу. Он в ответ лишь пожал плечами. И подался вперед, присматриваясь.

Побродив вокруг, ведьма скрылась из вида. Тишина давила на уши. Я хотел выйти и оглядеться. Меня окутало ощущение, что она подстерегает повсюду и вот-вот накинется.

– Дуглас, я проверю, – прошептал я.

– Сиди! – ответил одними губами брат.

– Добежим до воды, Лора туда не пойдет.

– Нет, Джесси! Думаешь, она боится воды? – тихим криком запретил Дуглас.

– Мне кажется, что да! – я закатил глаза и стал вылезать из куста.

– Джесси! Джесси! Стой она где-то тут!

– Я так больше не могу! Я пошел! – шикнул я на него. Меня уже достало, что Дуглас постоянно указывает мне. А ведь это из-за него мы угодили в логово ведьмы. Надо было слушать Лису и меня.

Пригнувшись, я вытянул ногу вперед и сделал шаг. Прогнулся под крепкой веткой орешника и бесшумно вытянул голову. Спереди, сбоку, сзади – никого. Я призадумался. Действительно, казалось странным, что плотоядное чудовище просто решило уйти. Меня поздно осенило. Я задрал голову. Кровожадная морда, свисая с верхушки сосны, смотрела на меня двумя красными зрачками. Жуткая улыбка расплылась загнутым полукругом. С ярко-белых зубов стекала жижа, падая мне на плечи и лоб.

– Вот ты и попался, малыш Джесси!

Полный цепящего страха я застыл на месте. Мне не убежать. Не скрыться! Дыхание остановилось. За спиной расплылось тепло брата, который тоже замер в ужасе и не знал, что делать. Ведьма с наслаждением смотрела на панику в наших глазах, смаковала, втягивая ее носом.

– Нет запаха приятнее, чем трусость!

– Я не трус!

– А пахнешь, как самый жа-алкий, самый пога-аный трус! – протянула Лора и рассмеялась.

Я сжал онемевшие кулаки до самых мизинцев. Меня окатило воспоминаниями. Дуглас не сдался, не пошел на поводу у Мерфи и не признал себя червяком, хоть и лежал побитый в грязи. На это нужна сильная воля – не сдаваться даже, если очень-очень больно и плохо.

– Ты! Ты! Это неправда! – я пыжился и закипал, желая доказать чудовищу обратное.

Брат нагнулся к земле, взял что-то круглое и выпрямился.

– А ну, получай, страшная рожа! – выкрикнул он, кинув камень в чудище, нависшее над нами.

– Никто, – полетел еще один камень, – не назовет, – и еще один, – моего брата, – последний, – трусом!

Камни метко втыкались в голову ведьмы, заставляя ее прижимать морду к плечам и зажмуривать глаза.

«Да! Вот так! Надо сражаться. Надо как Дуглас! Когда страшно, надо просто разозлиться», – пронеслось в голове.

Волевой порыв Дугласа, его стойкая уверенность в моей смелости дали мне толчок. Волна слабости отступила.

Поблизости заклокотал рык. Со стороны реки поблескивали зрачки и виднелись белые зубы звериной пасти. Мохнатая фигура припала носом к земле и кралась. Мы с братом попятнулись назад. Огромный Волк, оскалившись, медленно приближался.

– Думаешь, ты успеешь их спасти? – прошипело чудовище.

Ведьма в облики страшного существа сорвалась с веток и полетела на нас, вытянув длинные когтистые лапы, покрытые бородавками. Изодранное, белое платье висело лоскутами на руках и поясе. Красные глаза налились злобой. Челюсть раскрылась в предвкушении куса плоти, готовилась вцепиться зубами.

Б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.